

Константин Фрес

Обещанная демону

«Литнет»

2020

Фрес К.

Обещанная демону / К. Фрес — «Литнет», 2020

Отбить жениха у кузины? Легче легкого! Она покоряла князей одним лишь взглядом, влюбляла в себя трепетом ресниц. Ее ждала помолвка и свадьба с самым красивым юношей королевства. Но кто-то провел страшный ритуал, и теперь Элиза обещана Тринадцатому Демону, развратному чудовищу с черной душой. Он красив как океан и страшен как шторм. Он безжалостен как лев, и душа его черна, как пустой колодец. Он призван в этот мир, и она будет принадлежать ему! Все не то, чем кажется... (с) Про Тристана Про неясное будущее Инквизитора

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Помолвка Иветты	7
Глава 2. Выяснение отношений	11
Глава 3. Ритуал	14
Глава 4. Золотой Наперсток	20
Глава 5. Артур	23
Глава 6. Холодное пламя	28
Глава 7. Бал	33
Глава 8. Магические противники	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

— ...Значит, свадьбе быть?

Голос мужчины глубок и тяжел, как океанская волна. По нему непонятно, сердится он, радуется, или ему все равно. Девушка в темноте комнаты всхлипывает и на некоторое время повисает гнетущая тишина.

— Я не хочу этого! Не хочу! — клятвенно заверяет она. — Я не люблю его и не любила ни минуты! Но отец словно умом тронулся! Жажда золота обуяла его! Он и слышать не хочет о расторжении нашей помолвки. Он грозит своими руками убить меня или проклясть, если я буду противиться... Он кричит, что я опозорила семью тем, что с тобой... что я с тобой...

— Откуда он узнал?

— Отец знает обо всем... обо всех наших встречах... Он бил меня - смотри!

— Он сделал это? — пальцы мужчины ласково скользнули по багровой полосе, оставленной кнутом на белоснежном плече девушки. — Должно же быть у него сердце? Поговори с ним. Скажи, что твое сердце отдано другому. Скажи, что не пойдешь за этого человека замуж!

— Отец за косы утащит меня в храм и кинет к ногам жениха! Ведь тот богат и может купить весь свет... Я была глупа, когда согласилась...

— Как можно так ошибиться? — холодно удивляется мужчина. В его голосе чудится насмешка, и девушка бросается вперед, обвивает руками шею мужчины, страстно прижимается к нему.

— Не осуждай меня, — глухо отвечает она. — Не осуждай! Мне всего девятнадцать... разве я знала, как это бывает?

— А как это бывает? — насмешливо произносит мужчина, но в голосе его слышится теперь тепло. Его широкие ладони обнимают прильнувшую к нему девушку, он больше не может противиться страсти, которую так мастерски скрывает. Девушка приподнимает лицо, и мужчина ее целует — жадно, слишком сладко и слишком страстно, чтобы можно было поверить в его холодность и отстраненность.

— Как с тобой, — шепчет она, млея в его руках. — Я и не знала, что однажды придет такой мужчина, ради взгляда которого я буду согласна на все!

— На все? — уточняет мужчина в темноте. Дыхание его учащается, руки мнут красивое платье девушки, под сильными пальцами трещит ткань. Платье ползет с ее плеч, девушка шумно ахает, когда мужчина страстно прижимается к ее обнаженному плечу губами, еще и еще, покрывая поцелуями ее теплую кожу.

— Этой свадьбы не будет, — хрипло шепчет она, когда его пальцы ныряют в атласные глубины ее корсажа и сжимают грудь, маленькую, с твердым соском. Девушка стонет, откидывая голову, подставляя шею под его обжигающие поцелуи. — Не будет! Я скорее взойду на костер, я...

Мужчина прерывает ее сбивчивую речь поцелуем, горячим и сладким, и девушка жалобно стонет. Наслаждение, подобное прекрасному сну, ласкает ее чувства. Его руки зарываются в ее волосы, ласкают затылок, горячие губы целуют и целуют девушку, до головокружения, до изнеможения, почти до обморока, потому что дух ее готов оторваться от тела и смешаться свечным волшебным блаженством.

— Не нужно таких жертв, — выдыхает он, оторвавшись от ее исцелованных губ. — Не нужно костров и проклятий! Все будет не так, совсем не так!

— А как? — шепчет девушка, млея под ласкающими ее грудь руками.

— У меня есть план на этот день, — отвечает мужчина.

Громко скрипит дверь, раскрываясь под тяжестью навалившегося на нее тела, и ласкающиеся любовники мгновенно забывают о поцелуях. Девушка громко вскрикивает, а мужчина

одним прыжком оказывается у раскрытой двери. Но шпиона он не застаёт. Только быстрый топоток быстрых ног, убегающих прочь.

— Кто это был?! — в панике выкрикивает девушка. — Ты видел его?! Теперь он все расскажет отцу, и нам конец! Они убьют тебя! Отец скажет всем, что ты меня насильно обесчестил! Беги! Беги! Они не знают жалости, они убьют тебя!

Мужчина, вслушиваясь в шаги шпиона, лишь недобро усмехнулся. Его синие глаза полыхнули небесным невероятным светом.

— Мне? Бежать? — медленно произнес он. — И оставить тебя одну с толпой, готовой растерзать тебя? Нет, не будет этого. У меня есть мысль получше...

Глава 1. Помолвка Иветты

В погожий солнечный денек в городском храме была назначена помолвка Иветты Ладингтон, единственной дочери старого барона Теодора Ладингтона. Ее супругом в скором времени должен был стать Артур Эйбрамсон, самый завидный жених княжества.

Ах, Артур! У него самые голубые глаза по эту сторону Серебряной реки и Вечного леса! У него самые золотые волосы и самая ослепительная улыбка! Он самый искусный наездник и охотник в Лонгброке, такой сильный и взрослый! Кажется, ему уже двадцать пять. Недавно вернулся из университета, очень умный и вежливый. На первом же балу, который дали в честь его возвращения, он танцевал лучше всех и больше всех, и все незамужние девушки города влюбились в него без памяти. Да разве можно в него не влюбиться?! Он словно принц из сказки, сошедший с картинки в любимой книжке!

И почему этой недотепе Иветте, его невесте, так невероятно повезло?! Почему именно ей?!

Элиза, сидя перед зеркалом и наряжаясь на предстоящее торжество, недовольно поморщила хорошенький точеный носик.

— Барбара, принеси-ка мне щипцы и накрути-ка мне локоны, чтоб были кудрявыми и красивыми! И то цветочное шелковое украшение с жемчугом принеси, которое хранится у матушки в шкатулке! Матушка говорит, что оно мне очень к лицу! Хочу быть самая красивая сегодня!

Еще бы не к лицу! У Элизы длинные шелковистые волосы цвета старого черненого золота, миндалевидные карие глаза в обрамлении черных, как ночь, ресниц, румяные щеки и прекрасные губки, по которым облизываются все парни Лонгброка.

Иветта, невеста, была кузиной Элизы. Старая добрая Ивви, неуклюжая неловкая Ветта... Ей миновало уже двадцать четыре, а она все еще не вышла замуж. Ждала своего жениха... Может, от этого она такая нервная? Элизе иногда казалось, что в огромных глазах кузины мелькает безумное исступление. Но Ветта помалкивает, не открывает рта, даже если кажется, что она вот-вот вскочит и накинется с кулаками. Интересно было бы узнать, что она думает на самом деле, глядя на людей так злобно? Она родилась чахлой, будто б в неурожайный год, росла болезненной и осталась навсегда страшненькой, лупоглазой и робкой.

Родители Артура и Ветты договорились о свадьбе еще тогда, когда Ветта едва начинала ходить. По их договору Артур за женитьбу на Ветте получал пышный титул, семья Ветты - солидный денежный куш, и все оставались довольны. Поэтому для красавца Артура все было решено и известно давным-давно. Он, конечно, видел свою невесту. Вот, наверное, негодовал, глядя на ее жидкие взлохмаченные волосики и болезненную худобу! Стоило ли быть таким красивым, стоило ли покорять девичьи сердца одной улыбкой, если жениться все равно придется на страшненькой Ветте?..

А для Ветты, наверное, Артур был единственным шансом выйти замуж. Дураков нет брать хоть и родовитую, но небогатую и страшненькую невесту! Потому на Артура Ветта смотрела глазами, полными обожания, а на подруг — с победной нехорошей высокомерной улыбкой на толстых губах. Она Артура боготворила, а он улыбался своей невесте снисходительно и мягко. И от этой улыбки в глазах окружающих он становился почему-то очень хорошим, словно добрый покровитель для бедной крошки Ветты.

Вот Элиза - это совсем другое дело. В отличие от Ветты, она родилась хорошенькой и крепкой, и все шутили, что родители наверняка позвали в крестные своей дочери всех окрестных лесных фей. Рассматривая в зеркало свою юную цветущую мордашку, Элиза тихонько смеялась, представляя, как будет флиртовать налево и направо. И с Артуром - тоже, если, конечно, он окажется слишком близко от нее.

— Ветта будет вне себя от злости! — хихикнула Элиза взбивая кружева вокруг обнаженных плеч. — Барбара, еще жемчужной пудры!

— Вся кожа итак блестит, — ворчала нянька, неуклюже, но умело, с видимой пользой водя толстой кистью по плечам, по щекам юной прелестницы, отчего Элиза становилась похожей на чудесную фарфоровую куколку с белым сияющим личиком и темными, поблескивающими теплыми золотыми искрами волосами. — Негоже вы задумали шутить с кузиной. Лучше б шляпку с черной вуалькой надели, мисс Элиза. И черненькое платьице. Оно такое славное! И пуговицы все золотые.

— И ворот под самое горло, — недовольно заметила Элиза. — Оно душит и колется! Я в нем выгляжу как ворона-воровка. Или как голодная старая вдова на паперти.

— Как приличная благонравная барышня, — ворчливо возразила Барбара, застегивая покорно на тонкой шейке девушке кольцо, сверкающей звездной россыпью украсившее грудь Элизы. — А так будете краше невесты, и на вас все глазеть будут. Нехорошо это.

— Краше невесты будет даже одноногий старичок Лерой, если наденет свой зеленый сюртук, — отрезала Элиза. — Я не виновата, что Ветта такая глупая и некрасивая. Что же мне теперь, всю жизнь в вуальках проходить, лишь бы ей было не обидно?!

Элиза нахмурилась, яростно причесывая богатые волнистые волосы щеткой. Из-за этой Ветты она и так пострадала немало!

Сначала встречать ее драгоценного ненаглядного жениха ее не взяли. Потом на праздник в честь их Первого Соглашения созвали полгорода, и все пришли нарядные, как на Святки. А ей, Элизе, родители приказали надеть синее платье, скучное, как у нищей гувернантки! Счастливая Ветта порхала по залу в танце в белом кисейном бальном платье, с красавцем-женихом, а Элиза подпирала стенку под бдительным взглядом родителей! Даже толстая Марта удостоилась танца, потому что на ней был приличный наряд, а Элизу мало того, что не замечали, так еще и отец не отпускал.

А ее верные поклонники?! Стюарт и Энтони?! Они просто *не узнали* ее в этих убогих страшных тряпках! И танцевали с ее заклятыми подружками!

— Нет уж, — сердито сопела Элиза. — На помолвку я пойду, как и все — на праздник, а не на поминки! А после Стир покатает меня в своем экипаже по городу! Это просто неприлично — если люди увидят меня в дешевом страшном платье! Еще подумают, что отец разорился... кто на мне тогда женится?

Барбара неодобрительно покачала головой, угадав в словах девушки отчаянное кокетство.

— Кто женится... Женихи в очередь стоят! И я не слышала, чтобы кто-то ругал ваши платья и из-за их цвета отказывался жениться! Но плащик-то хоть накиньте, — бубнила Барбара. — Матушка погонит переодеваться!

— Не погонят, — беспечно отозвалась Элиза. — Сегодня Ветта и Артур, наконец-то, произнесут Клятву, и она сможет перестать оберегать его и трястись, что он сбежит к мало-мальски приличной девушке.

— Злые какие слова говорите...

— Это правда! — тотчас же взъерошилась Элиза. — И тут я уж совершенно не виновата.

В храм собрался, наверное, весь город, поглазеть на Обручение и Клятву. Колокола весело, торжественно и тревожно пели об этом на всю долину, ветер разносил эту весть и за Серебряную реку, и дальше — до тумана над Вечным лесом.

Внутри храма воздух звенел от голосов. Горели свечи. Было душно и пахло цветами и благовониями так, что начинала болеть голова. Элиза не пошла туда, осталась на храмовой площади, в компании подружек. Ей хотелось посмотреть, как приедет жених — невесту-то она уже видела и тихонько над ней посмеивалась.

За одним ей очень хотелось похвастаться перед подружками новым платьем — голубым, как воды тропического моря, с такой пышной юбкой, что всю церемонию ей придется стоять, потому что ее платье не влезет ни на одно сидение.

Элиза была очаровательна и справедливо полагала, что все внимание всех молодых людей приковано к ней, они нарочно все повыскакивали из храма, делая вид, что им жарко. Но на самом деле — чтобы посмотреть на нее хоть издали и заработать ее благосклонный взгляд. Невеста осталась в храме в окружении родных и древних старичков.

То, что Ветта прибыла вперед жениха и намного раньше назначенного часа, Элиза посчитала глупостью и чем-то постыдным и унижительным. Ветта теперь маялась в духоте храма, бледнея и чуть не падая в обморок. Ее непослушные волосы, которые каким-то чудом удалось уложить в прическу с утра, сейчас растрепались, диадема съехала набок. Ее роскошное зеленое атласное платье, ушитое цветами и розовыми лентами, символизирующее очарование и свежесть весны, было слишком тяжело для чахлой Ветты, и девушка то и дело порывалась упасть в обморок. И все равно пришла намного раньше, словно ей не терпелось поскорее окрутить Артура!

В этом было что-то такое жалкое, что Элизе стало стыдно за кузину. Ей казалось, что все смотрят с осуждением на невесту.

«Никогда ни один мужчина не заставит меня его ждать! — насмешливо подумала Элиза, кокетливо обмахиваясь веером. — Пусть он будет хоть трижды красив и пять раз богат! Нервничать и переживать должен именно он, а не я!»

В этот миг на площади люди оживленно зашумели, выкрик «жених едет!», и к храмовым воротам подкатила карета, запряженная четверкой белоснежных лошадей. Элиза даже привстала на цыпочки, чтобы рассмотреть торжественную процессию, раззолоченную карету, достойную самой королевы, и важных друзей жениха, следовавших верхами за этой каретой. И сам жених — Элиза увидела его особенно четко и обмерла от восторга, так он был хорош!

...Ну почему Ветте такое счастье?!..

Конь Артура был горяч. Только опытный наездник с сильной рукой мог укротить его. Могучий черный зверь храпел, раздувал огненно-красные ноздри, бил копытами, и люди сторонились его, отступали подальше. Возникла давка, кто-то неосторожный наступил на ногу Элизе. Девушка оглушительно взвизгнула, чувствуя, как прижатая чьим-то грубым каблуком туфелька слезает с ее ножки, и заскакала на одной ноге в полной панике, взглядом пытаясь отыскать туфлю на земле.

А потом случилось то, о чем втайне мечтают все девушки Лонгброка. Толпа вдруг расступилась, и ошеломленная Элиза замерла, поджав босую ногу. Ее темные кудряшки перестали прыгать по ее обнаженным плечам, лавина ее густых волос рассыпалась, просвеченная солнцем, охватив хрупкий силуэт девушки золотистым солнечным пламенем. А перед нею стоял жених Ветты собственной персоной, прекрасный синеглазый Артур, в белоснежном костюме и в блестящих сапогах для верховой езды. Солнце играло искрами в его прищуренных глазах и на эфесе его начищенной до блеска сабли. Он был просто живым воплощением сказочного принца из сказки. Именно о таких юношах мечтают все девушки — о светловолосых, приветливых, высоких и стройных. Именно так в мечтах всех девушек принцы смотрят на своих избранниц — взволнованно, словно увидели спасение и луч света в кромешной тьме.

«Мы были бы самой красивой парой в этом городе», — отчего-то подумала Элиза, громко охнув, когда Артур крепкой ладонью сжал ее локоть. Перед ее внутренним взором вихрем пронеслись пестрые и прекрасные картинки. Вот они с Артуром держатся за руки и, счастливые, дают первую Клятву друг другу. Вот они танцуют на предсвадебном балу. А вот они перед алтарем, и их руки соединены, а сердца скреплены священными словами любви... От внезапно поразившей ее восторженной влюбленности Элиза даже застонала как от сильной боли, ничуть

не притворяясь. На глаза ее навернулись слезы, дышать стало трудно, будто корсет был затянут чересчур туго.

...Почему это счастье этой глупой Иветте?!

Здесь и сейчас Элиза вдруг поняла, зачем ее прятали от Артура. Поняла по его чуть печальным, но таким красивым глазам, по его внимательному взгляду, по ласковой улыбке. Жених не очень-то хотел связать себя с Веттой на всю жизнь. Прочие девушки... он насмотрелся их немало. Наверное, и в тех краях, где он учился, было немало красавиц. Но не таких, как Элиза. Кроме того, она была родственницей Ветты; и родители боялись, что он соблазнится на красивую Элизу... и предпочтет ее, тем самым сдержав слово, данное Ладингтонам, но нарушив обещание Ветте.

Ветта очень хотела замуж. Ей срочно надо было туда!

А Артур, кажется, был тот еще упрямец.

— Вы ушиблись? Вам больно?

До Элизы не сразу дошел смысл его слов. Она смотрела в красивое лицо молодого человека и чувствовала, что еще миг — и коленки у нее подогнутся. Она упадет к его ногам, как очередная жертва, сраженная его ослепительной улыбкой.

«Нет, нет, только не со мной!» — в панике думала Элиза, глядя, как Артур наклоняется и отыскивает ее туфлю.

— Кажется, я растянула лодыжку, — произнесла она кокетливо, сама не понимая, зачем лжет, зачем флиртует. — Поможете мне дойти до скамьи? Я сама не справлюсь...

Элизе очень хочется, чтобы Артур смотрел на нее, любовался ею. Она нарочно приподняла подол пышной юбки и нежные кружева, чтобы он как следует рассмотрел ее крохотную красивую ступню и тонкую изящную точеную лодыжку. На молодых людей ее ножки производят неизгладимое впечатление, и Артур не исключение. Он замер, словно громом пораженный, и не видел ничего в мире кроме этой крохотной прекрасной ножки.

— Что же вы молчите? — игриво спросила Элиза, еле сдерживая смех.

Артур не отвечал.

Он становится на одно колено перед онемевшей от счастья Элизой, прямо на мостовую, пачкая свои белоснежные брюки — это видят абсолютно все, и притихшие от зависти подружки, и вчерашние ухажеры, и родители Элизы, да и родители Ветты, выскочившие из храма навстречу жениху, тоже. Аккуратно, чтоб не причинить лишней боли, он надел на ножку Элизе потерянную туфельку, поправив на ней примятый испачканный бантик. А затем под всеобщее «ах!» подхватил девушку на руки и решительно понес ее в храм — так, как должен был бы нести невесту, свою суженую, свою будущую супругу.

Глава 2. Выяснение отношений

— Как ты могла! Да я сейчас глаза тебе выщарапаю, маленькая дрянь!

— Только попробуй, тронь меня, тощая дура!

Волшебная палочка Элизы смотрела в лицо побледневшей от злости Ветты. У несчастной невесты даже губы побелели и дергались, словно самые страшные проклятья рвались из ее груди. Палочка Ветты была нацелена на Элизу.

Это была старинная и красивая волшебная палочка, из черного эбенового дерева и светлой слоновой кости, отполированная до идеальной гладкости. Дорогая изящная вещь, семейная реликвия. Ветта всегда носила ее на замызанной ленточке на запястье, привязав за костяную ручку. Прячала в рукаве. И никогда прежде не наставляла ее на кузину, угрожая расправой. Поэтому развоевавшаяся Элиза, впервые увидев волшебную палочку Ветты так близко, в изумлении осеклась. У самой костяной ручки, словно тонкая инкрустация, поблескивали три серебряных колечка.

Три.

Три уровня магии.

Ветта и на два натянула с трудом. У нее не было ни особого таланта, ни прилежания. Значит, третий уровень был куплен. Дорогой подарок, наверняка от жениха. Вот почему робкая тихая Ветта такая смелая. Теперь она чувствует себя намного сильнее и уверенней...

И за такие роскошные подарки наверняка есть смысл драться. Ветта наверняка сходит с ума от мысли, что такой лакомый кусочек, как красавец Артур, уплывает у нее из рук. А вместе с ним и его несметные богатства и все то, что можно на них купить. Наряды, балы, новые туфельки, украшения.

— Юные леди, а ну, прекратите немедленно! — прогремел разъяренный отец Элизы, краснея от гнева. — Что вы устроили! Это неприлично! Уберите ваши палочки сию секунду!

— Неприлично ведет себя твоя дочь! — с плачем, в истерике, выкрикнула мать Ветты. Ее голос эхом отдался от стен пустого храма.

Помолвка была сорвана. Отец и мать Артура еще не успели покинуть роскошную карету, когда Артур, твердым шагом пересекая храм от входа до алтаря с испуганной Элизой на руках, твердо и во всеуслышание объявил:

— Клятвы не будет!

И не оставалось никаких сомнений в том, что он не шутит.

Элизу колотило. Когда Артур осторожно поставил ее на ноги и крепко сжал ее ладонь, Элиза видела перед собой только изумленное лицо отца и яростное — Ветты. Приглашенные и гости спешно покидали храм, понимая, что праздника никакого не будет. А становиться свидетелем чужого горя и скандала мало кто хотел.

— Артур, как же так, — испуганно закудахтала его несостоявшаяся теща.

Она вырядилась в храм со всей серьезностью. Желая всем показать, что не из черни, а из аристократии, нацепила яркое платье с длиннющим шлейфом и такое узкое в коленках, что могла только семенить крохотными шажками.

Сейчас она семенила к Артуру своими нелепыми куриными шажками и квохтала, как перепуганная курица.

— Вы же уверяли, — кудахтала она, прижимая руки в кружевных перчатках к дряблой груди, видной в глубокий вырез, — что не отступитесь от своего слова... Что питаете... питаете глубокое уважение к Иветте!

— И я не отрекусь от своих слов! - твердо ответил Артур, прямо глядя в лицо женщине. — Я уважаю Иветту. Я жил всю жизнь с этим уважением и с мыслью о том, что она станет моей, но...

— Но?! — переспросила Ветта, ступив вперед, ближе к несостоявшемуся жениху. В голосе ее уже слышалась назревающая некрасивая истерика, крикливая и базарная. — Это, по-вашему, уважение — бросить меня у алтаря?! Опозорить перед всем городом?! Да надо мной же все смеяться будут! Все!

В этом Ветта была права. Город пощадил ее сейчас, оставив разбираться со своим женихом без лишних свидетелей, но завтра... завтра Ветта прочтет во всех взглядах, обращенных к ней, издевку, насмешку — во всякой улыбке.

Ветта зарыдала и яростно содрала с тонкого узловатого пальчика огромный тяжелый перстень с крупным камнем и кинула Артуру под ноги.

— Но кроме долга, — глухо проговорил Артур, и слова давались ему с трудом, — существует еще и любовь, — он глянул на Элизу, словно прося у нее поддержки. — Я не ведал ее ранее. А сейчас вдруг почувствовал. Я приучал себя к мысли, что всю жизнь проживу с вами. Я готов был сделать это. Но увидев эту девушку, я понял, что все может быть иначе. И будет нечестно и отвратительно по отношению к вам... любить ее, но жить с вами.

— Слова неблагородного человека, — с истеричным хохотом выкрикнула Ветта, сдирая со своих плеч ленты и цветы. По бледным щекам ее катились слезы. — Разбогатевшие нувориши никогда не поймут, что такое данное слово! Это намного важнее и благороднее сиюминутного желания! Боюсь, даже если вы наскребете побольше денег и купите титул, это вам не поможет! Каждый ваш жест, каждое слово будут выдавать в вас грубого простолюдина в раззолоченной одежде!

Крик Ветты сорвался на визг, она яростно швырнула в лицо Артуру свои перчатки. Это он снес молча, опустив взгляд. На щеках его играли желваки.

— Если благородство и титул, — произнес он, наконец, — допускают ложь, то они мне не нужны. Я не хочу жить во лжи. Я выбираю честные чувства, — он пылко глянул на Элизу, и снова сжал ее ладонь. — Я готов прямо сейчас принести этой девушке Клятву Верности. Я люблю ее. И даже смерть нас не разлучит, — он прямо глянул в зареванное лицо Ветты. Голос его стал упрямым и твердым. — Я достаточно богат, чтобы купить у Магистров право вернуть мою любовь и с того света! Только пожирающие души Демоны могут нас разлучить!

— Артур! — выкрикнула его мать, как раз подоспевшая к месту разворачивающейся трагедии. — Что за слова в святом месте?! Не приведи магия, накличешь...

Пожилая дама, разодетая как герцогиня, запыхавшись, остановилась, переводя дух. Отец Элизы поддержал ее под руку, пока та обмахивалась платком и промокала вспотевшие виски.

— Не нужно говорить поспешных слов, — произнесла она, слишком внимательно и даже сурово глядя сыну в глаза. — Это все волнение. Это естественно для тех, кто вступает в брак. Вероятно, ты запутался? Может, испугался ответственности и обязанностей, лежащих на тебя в браке?

— Нет, — так же уверенно произнес Артур, привлекая Элизу к себе. — Я уверен. Я эту девушку хочу.

— Ну а сама девушка, — закатив глаза, устало произнесла матушка Артура, — что она думает по этому поводу? Ты ухватил ее как дикарь, что совершенно неуместно. Потасил, ни слова не спросив. Ты, кажется, забываешь, что существуют не только твои желания!

Она легко стукнула веером по плечу сына, словно сердясь. В тишине Элиза явно услышала тонкий хрустальный звук и успела заметить в кружевных складках веера волшебную палочку. Матушка Артура носила ее так же, как Ветта, на ленточке на запястье. Палочка ее была из светлого нежного ясеня, с узелками — раз, два, три, четыре... семь! — словно в дерево, в самую сердцевину, кто-то вживил темные ограненные камни, поблескивающие сквозь светлые волокна. Своим заклятьем она призывала сына как следует подумать и ответить ей искренне и честно.

— Ее решение ты примешь? — осторожно спросила она. — Ведь любовь это не только удовлетворение твоих ежеминутных и подчас эгоистичных желаний. Это еще и умение слушать и слышать. Что скажете, дорогая?

Несколько пар глаз уставились на Элизу и она почувствовала себя неловко в центре пристального внимания. Больше всего ей тяжело было смотреть в огромные зареванные глаза кузины. Ветта таращилась на нее с надеждой, едва не скуля и умоляя. Отказаться? Отвергнуть Артура, который смотрит на нее с такой нежностью и тихой радостью?..

— Я согласна, — вымолвила Элиза. От волнения ей показалось, что она падает в пропасть, и потому первую оплеуху от взбесившейся Ветты она пропустила. Тут бы кузины и подрались, но родственники вовремя их разняли, и Артур заключил обиженную Элизу в объятия, защищая от нападков Ветты.

— Гадина, гадина! — рыдала и выла несостоявшаяся невеста, извивающаяся в удерживающих ее руках родителей. — Она погубила меня!

Корсаж ее задрался, некрасиво вывалилось белье, и Ветта, вопя, свалилась на пол. Отец и мать не смогли удержать ее, они тянули ее вверх, поддерживали под локти, но девушка продолжала безутешно рыдать и выть, и зрелище это было отвратительное.

— Прохвосты! — проорал отец Ветты, тощий и кривоногий. Глядя на него, начинаешь понимать, в кого удалась дочь. — Алчные мошенники! Вы лишили бедную девочку!..

Впрочем, о том, чего несостоявшийся брак лишил невинную девочку, папаша благородного семейства думал меньше всего. У него самого дела шли из рук вон плохо, да так, что приходилось носить дырявые башмаки. На помолвку он явился в черном бархате, но с штопанными локтями. И он здорово рассчитывал пожить теми деньгами, которые обещала семья жениха.

— Клянусь честью, — произнес отец Элизы, — мне больно видеть страдания племянницы. И наживаться в этой ситуации было бы просто неприлично. Поэтому все причитающееся Иветте со стороны жениха я отдаю вам. Свою дочь я выдам замуж сам, без его подарков и помощи, — отец Элизы сухо поклонился Артуру. Он не одобрял его поступка, но счастье дочери его интересовало больше, чем собственное неодобрение. — Я просил бы завтра же доставить все деньги Иветте. Этим жестом вы закроете рты большей половине города. Остальные могут злословить сколько угодно, мы их не услышим. Что до вас, молодой человек, — старый маркиз Ладингтон смерил Артура недобрым взглядом, — то на месте барона я бы вызвал вас на дуэль за такую выходку с дочерью и пришил бы шпагой к воротам вашего замка. Но он слишком великодушен... или рука его не тверда. А я не таков. Я предупредил вас, и, надеюсь, вы меня поняли?

— Я уверяю вас, — звучно произнес Артур, — клянусь вам в этом святом месте, что ваша дочь нужна мне! И того, чего вы опасаетесь, не случится.

Глава 3. Ритуал

Ветта никогда не была смелой. И решительной тоже не была. Даже когда у нее спрашивали о чем-то, что она должна была выбрать, Ветта долго колебалась и молчала. Словно была недостойна права голоса. Словно не имела права выбирать.

Но в тот момент, когда Артур произнес эти пугающие слова о демонах, в голове Ветты тотчас словно озарение произошло, и стало легко, так легко, что ужас и горе легко смылись слезами.

«Только пожирающие души Демоны могут нас разлучить», — произнес он. Голос его страшно и торжественно звучал в ушах Ветты, и она точно знала, что это верный способ.

«Самый лучший!» — думала она словно зачарованная, словно одержимая этой мыслью, околдованная и парализованная ею. Будто чья-то злая рука вложила эту разрушительную мысль в голову Ветты. И девушка теперь чувствовала, как распадается на кусочки ее собственная душа, сыплется песком, желая мести.

Значит, нужно вызвать демона.

«Пусть он возьмет ее! — исступленно и одержимо думала мстительная Ветта. — Пусть утащит мерзавку в самый ад! Измучает, исцарапает, исципает, излупит до состояния животного! Пусть откусывает от нее по кусочкам каждый день! Пусть она дергается и мычит, беззубая и страшная, привязанная за веревку, при звуке его шагов в глубине ада! Пусть она узнает, что такое страдание!»

Мать и отец не услышали, как она ушла. Вечером доставили сундуки с золотом, украшения, наряды — все то, что обещала семья Артура заплатить семье Ветты. Золота было много, оно рассыпалось золотой чешуей монет по вытертому ковру. Родители, как безумные, запустили руки в сундуки, черпая богатство горстями, ползали по полу, собирая просыпавшееся, и были просто счастливы.

Ветта не стала отвлекать их от веселья.

Тихо она вышла из дома, пересчитала легкими ногами каменные ступени. Замела плащом сухую листву и топорщащийся яркий ежик травы, пробивающейся меж каменных плит, мостящих двор.

Она найдет способ докричаться до демона.

В Вечном лесу лучше не появляться. В нем вечный сумрак и опасность таится в тени его деревьев. Плавает зеленый дым меж зелеными ветвями сосен. Если путнику волей-неволей приходится идти под сенью зловещего леса, он старается преодолеть свой путь как можно скорее, потому что народец, живущий в Вечном лесу, отчаянный и страшный. Говорят, это души грешников, страдающие за свои грехи. Они прячут свое уродство и злобу от солнца в темном лесу.

Вдоль дорог горят фонари, но стоит отойти от фонаря на пару десятков шагов, как свет его растворяется в зловещей тьме и становится неясным свечением заблудившегося светлячка. На деревьях прибиты черепа животных, выбеленные временем - отгонять злые силы. Смерть недоступна томящимся душам. Образ ее терзает их больше, чем жалкое существование, полное страданий. И потому они бегут прочь, в тишину, темноту и забвение.

Старики говорили, что где-то посередине леса, далеко, за стеной деревьев и тумана, стоит старый замок, прекрасный и страшный, словно черно-синий сапфировый цветок. В нем живут демоны, и числом их Тринадцать. Никто не осмеливается вслух произнести их имена.

Но на самом деле об этом замке гласят лишь полузабытые легенды, которым уже сотня лет. Всем известно, что давным-давно Демоны покинули этот мир, дом их разрушен, а служители их сгорели на кострах. Но в сердцах людей до сих пор живет страх, Вечный лес до сих

пор темен, страшен и шепчет жуткими голосами о грехе и каре. И никто не отваживается поверить, можно ли вернуть Демонов в этот мир...

— Приди же ко мне, Первый, — шепчет Ветта, ступая в зеленую мглу.

С собой у нее череп соболя, отполированный и отлакированный, со вставленными в глазницы черными агатами. Ветта крепко сжимает его в руке, зорко оглядываясь по сторонам. Зло витает над ее головой, обнимает ее плечи. Агаты блестят, как настоящие живые глазки зверя.

Еще у Ветты в сумке, висящей через плечо на тонком ремешке, всякая магическая мелочь: толстые свечи, кусок мела, старая книга. Ветта, конечно, не умела вызывать демонов. Никто не умел. Но говорили, что Демоны отзываются на свои имена. И если правильно сказать или написать, то Демон, услышавший зов, обязательно придет. Меловая черта не даст ему подойти к заклинателю. От его слуг защитит череп.

А еще у Ветты теперь магия, много магии, целый третий уровень. Это много. Этим можно отогнать Бродячего Нечестивца, если тот вдруг вынырнет из тумана. Можно вспугнуть дикую сумасшедшую ведьму. Любое порождение леса можно одолеть с помощью этой магии. Иначе Ветта не осмелилась бы пойти в лес одна, на ночь глядя...

— Приди ко мне, Второй, — шепчет Ветта. Зубы ее стучат от страха, но она продолжает свой путь в страшную лесную чащу. Никто не отзывается на ее слова, не треснет сучок в чаще, не всхлипнет листвой чахлое деревце.

— Приди, Третий! — в отчаянии шепчет Ветта.

Неужто нет надежды? Ветта начинает шмыгать носом. Может, попробовать облить Элизу кипятком? От этого у нее вылезут волосы. И вся она облезет. И Артур ужаснется и разлюбит ее.

— Приди, Четвертый, — стонала дрожащим голосом Ветта, поглаживая гладкий череп, стискивая его в потных пальцах. — Приди, Пятый... я несу тебе жертву. Разве ты не хочешь ее?

Ветер разогнал туман под ногами девушки, и дрожащая от страха Ветта обнаружила, что стоит на тропинке. Мелкие камешки были плотно втопты в землю, тропинка была гладкая и светлая под лучами взошедшей луны. Как змеиная кожа... Она вилась между пышных папоротников, виляла меж стволами. Это был знак, и девушка поняла, от кого он. Ветта, на всякий случай поудобнее перехватив свою волшебную палочку, ступила на эту дорожку.

Дорожка, петляя, вывела Ветту на небольшую круглую полянку, окруженную пышным орешником. Зеленый туман и сосны остались позади, под ногами Ветты внезапно скрипнули доски. Опустив взгляд, она увидела, что вместо земли стоит на старом полу какого-то давно разрушившегося здания. От стен давно ничего не осталось, сквозь щели в полу пробивалась трава.

Было тихо, очень светло и совсем не страшно.

— Шестой, приди! — громко выкрикнула Ветта. С сосны позади нее с шумом сорвалась потревоженная птица и снова все смолкло.

Сопя от усердия, Ветта нарисовала огромный двойной круг на старых скрипучих досках и внутри него зачем-то пентакль. Расставила истекающие белым воском свечи и уселась в свой защитный круг. Раскрыла книгу. Но в бледном свете луны разобрать написанное было не так уж просто, поэтому Ветта наскоро развела костерок на черном горелом пятне неподалеку то себя.

Огонь разогнал темноту, стало теплее. Снова усевшись в круг, посередине пентакля, Ветта взяла в трясущиеся руки книгу и громко прочитала первое непонятное слово. Но ничего не произошло.

Она перевернула страницу с красочной картинкой, изображающей какую-то непонятную неведомую тварь, и снова прочитала непонятное слово. Ни один листик не шевельнулся в притихшем лесу. Ветта некоторое время прислушивалась к лесным звукам, тараща в темноту глаза, снова перевернула страницу и громко выкрикнула в холодный ночной воздух следующее слово.

— Это звучит как неприличное ругательство, — заметил из темноты чей-то глубокий, как дыхание ветра, спокойный голос. — Не слишком-то вежливо приходить в чужой дом без приглашения и кричать такие грязные слова.

— А-а-а-а! — заверещала Ветта, загораживаясь книгой и жмуря глаза. — Кто здесь?!

— Тот, кого ты звала, — страстно и опасно шепнула темнота, обволакивающая полянку. — Эрвин. Тринадцатый. Господин Повелитель Холодного Пламени. Ты назвала мое имя первым.

— Я не называла! — проверещала Ветта, рыдая, понимая, что игры кончились. Вызванный ею Демон кружил в темноте, она слышала его дыхание, шорох мелких камешков под его ногами, видела блеск его голодных глаз.

— Называла, — посмеиваясь, ответил Демон. Казалось, его голос звучит из десятка мест одновременно. Глаза то вспыхивают далеко, то совсем рядом, почти перед лицом испуганной девушки. — И, как мне показалось, упоминала о какой-то жертве. Ты решила пошутить?

— Я... не...

— Что же ты так боишься? Ты ведь под защитой. Дай-ка посмотрю внимательно... ах, да. Соболь. Отличный выбор. Очень страшно. Правда.

Демон, посмеиваясь в темноте, наблюдал за тем, как Ветта, спохватившись, дрожащими руками отыскала в складках своего платья амулет и выставила его вперед, черными агатовыми сверкающими глазами ловя взгляд Демона.

— Ух, — продолжал Демон меж тем посмеиваясь, — просто кровь стынет в жилах!

— Это правда твой дом? — выпалила Ветта. Ее огромные глаза от страха вытаращились так, что, казалось, сейчас выпадут из орбит, рука, удерживая спасительный череп, прыгала.

— Правда, — ответил Демон. — Ты даже развела огонь в моем камине.

Холодный ветер лизнул горячие лепестки пламени на свечах, туша их, и Ветта с изумлением увидела, как их ничего, из пустоты, из лесной земли вдруг вокруг нее вырастают стены, оббитые дорогими шелковыми обоями цвета крови с золотом. На месте ее костерка, массивный, с мраморной каминной полкой, образовался камин. Под Веттой, вместо голых скрипучих досок и пентаграммы, оказался дрогой восточный ковер. От тропинки, по которой Ветта пришла, ее отделила массивная дверь красного дерева. Свет разбился на прямоугольники в высоких окнах, тяжелые портьеры, отпущенные невидимой рукой, упали до самого пола.

Но все это было призрачным, тонким, как неглубокий сон. Мерцали свечи в золотых подсвечниках на каминной полке, а Ветта за ними видела другое сияние. Блеск синих, как льды замерзшего океана, глаз.

— Мне говорили, — в ужасе простонала Ветта, озираясь, — что дом Тринадцати Демонов находится далеко, прямо посередине леса, а лес просто огромен!

— Некоторые вещи могут быть ближе, чем ты думаешь, если сильно хотеть их найти, — туманно ответил Демон. — Итак... Ты ведь не выйдешь из своего круга, так? — посмеиваясь, произнес он из темноты.

Ветта с визгом поджала ноги, завертевшись. Под призрачным пестрым ковром меловые линии были не видны, и не понятно было, на самом ли деле пересекла ли их Ветта, вертясь и рассматривая обстановку призрачного дома, или Демон издевается над нею.

— Что нужно тебе от меня?! — заверещала Ветта.

— Мне? — удивился Демон. — Это же ты позвала меня. Я подумал, что это у тебя какое-то дело ко мне. Жертва. Ты говорила о какой-то жертве.

— Да, да! — обрадованная тем, что Демон перевел свое внимание с ее персоны на жертву, выпалила Ветта. — Я хочу отдать тебе в жертву Элизу, мою кузину!

— А ты уверена, — с сомнением произнес Демон, — что именно я тебе нужен? Мне показалось, ты читала имена наугад.

— Не все ли равно, — пропыхла Ветта, стараясь не стучать зубами от страха.

— Конечно, нет, — отозвался Демон. — За какой грех ты хочешь покарать эту девушку?

В его голосе послышалось гудение пламени ада. Ветта изо всех сил сдерживалась, чтобы не зажать уши руками и не слышать этого голоса, который словно проникал до самой ее души.

— За грех, — выдохнула в ужасе Ветта.

— За грех, — подтвердил Демон. Исчезло прекрасное видение его роскошного дома, и Ветта увидела высокую широкоплечую фигуру в черном длинном плаще, сотканном из непроясненной черноты. Капюшон был низко надвинут на лицо Демона, и черт было не рассмотреть. Но глаза синими холодными звездами сверкали из тени. — Демонов интересуют только грешные души. Праведники нам не нужны. Мы судим, но судим справедливо. Мы караем, изощренно и кроваво, но за грех.

— Странно как, — с сомнением выдохнула Ветта, разглядывая Демона, неспешно прогуливающегося вокруг ее убежища. — Если все так, то за что люди Демонов боялись и изгнали из нашего мира? Верно, ты лжешь.

— Потому что люди любили грешить, — ответил Демон. — И хотели это делать безнаказанно. А еще они любили убивать себе подобных, — в голосе Демона снова послышался гудящий огонь. — И потому очень часто шептали нам о грехах своих близких. Наверное, это давало им иллюзию собственной безгрешности и защищенности... Они думали — раз они помогают искоренять порок, то тем самым отбеливают свои черные злые сердца. Но в глубине души они знали, что мы можем забрать любого. Наушники, жалобщики, фанатичные служители веры самые гнусные из всех грешников, они не щадили никого. И приносили жертвы нам охотно...

Так как ты хочешь покарать ее? Быть может, она предастся чревоугодию? Жадно ест и без меры пьет вино? Демон Барнс тебе помог бы напустить на нее такой жор, что она разъелась бы как породистая свинья, и жир задавил бы ее. Или, вероятно, она жестока? Избивает слуг, собак, ломает руки служкам? Аластор научил бы ее любить боль, и она засекала бы себя насмерть... А если она лжет, — голос Демона хрипнул, — то ее язык вырастет во рту и задушит ее самоё.

Ветта лихорадочно соображала, какой грех приписать Элизе.

— Она гадина! — выпалила Ветта яростно. Злые мысли роились в ее голове, от воспоминаний событий в церкви наворачивались слезы. — Она самая порочная гадина из всех, кого я знаю!

— Хм, — с сомнением отозвался Демон.

— Она разрушила мою жизнь! — выкрикнула Ветта.

— Но ты жива, — резонно заметил Демон. — Уж я-то могу отличить мертвого человека от живого.

— Она украла моего жениха! — выпалила Ветта.

— Посадила в мешок и унесла? — уточнил Демон насмешливо. Ветта от злости покраснела, поняв, что он смеется над ней и ее незамысловатой бедой.

— Тебе не понять! — выдохнула она яростно, подскочив на ноги. — Ты не знаешь человеческой жизни! Ты не знаешь, что такое боль человеческого сердца!

— Так расскажи мне. Попробуй объяснить.

— Я некрасивая! — выкрикнула Ветта с мукой на весь лес, да так, что эхо трижды облетело его, распугав спящих птиц.

— Это я вижу, — заметил Демон.

— Я бедная и несчастная! — продолжила Ветта со слезами. Странное дело, но она испытывала непреодолимое желание пожаловаться, выговориться хотя бы перед этим страшным существом. — У меня нет нарядов, нет поклонников, нет подруг! Нет даже новых туфель! А на обед вареный картофель и кусок колбасы, как у крестьянки! Мне хоть в чем-то повезло, когда Артур дал согласие на мне жениться! Хоть в чем-то! Я подумала — вот он, шанс! Я была такая счастливая! Артур мне делал подарки...

— Третий уровень магии, — услужливо подсказал Демон, указав на черную палочку Ветты. — Это очень дорогой подарок для тех, кто ест крестьянскую колбасу.

— Это был единственный человек, который смотрел на меня, а не через меня, и относился ко мне пусть не с любовью, так с почтением!

— И что же случилось?

— Эта гадина мне позавидовала! — зло прошептала Ветта, размазывая по щекам слезы. Демон молча протянул ей платок, и Ветта отерла мокрое лицо. — Она завистливая дрянь, спала и видела, как бы нагадить мне! В день моей помолвки она явилась в храм полуголая! Выставив на всеобщее обозрение все свои прелести! Повешалась ему на шею, оговорила меня! Завлекла его сладким словами и заманчивыми обещаниями!

— Тогда он глупец, если попался в такую незамысловатую ловушку, — заметил Демон, мягко отнимая у Ветты платок и сам отирая ее мокрые щеки и красный нос.

— Он добропорядочный и чистосердечный человек! — яростно выкрикнула Ветта, топнув ногой. — Он воспитанный и образованный! Он недавно вернулся в родные края, и просто не знаком с ней и с ее коварством! Она обманула, обманула, обманула!..

— Чтобы отнять у тебя твоё сокровище и причинить тебе боль, — подвел итог Демон.

— Просто так, развлекаясь! — страдая, прошептала Ветта, глядя в нечеловеческие синие холодные глаза. — Играясь. Ей ничего не стоит заполучить любого, да сколько их побывало у нее в постели! Могла бы уже полюбить кого-то! Но она выбрала именно моего жениха. Чтобы посмотреть, как я буду плакать и поиздеваться надо мной...

— Ты вышла из своего круга, — заметил Демон, и Ветта с воплем ужаса отшатнулась от него, в панике разыскивая свое безопасное место. Но Демон, скользнув словно тень, оказался на ее пути, она с воплем натолкнулась на его грудь. От соприкосновения с Демоном, холодным и тяжелым, как скала, девушка упала и задом наперед попыталась отползти, судорожно пытаясь нащупать теплое место на досках, то, где она сидела. Казалось, ему нравится играть с девушкой, пугая и дразня ее.

— А-а-а-а! — заорала Ветта, некрасиво распялив толстые губы и вытаращив огромные глаза, глядя, как фигура в черном плаще неумолимо надвигается на нее. Демон разочарованно покачал головой:

— Не делай так больше, — попросил он, когда вопль девчонки стих. — Это действительно страшнее всяких черепов соболей. Ну же, не кричи. Твой круг не защищал тебя нисколько, как и череп. Это все сказки. Я мог прикончить тебя в любую минуту. Просто сжал бы твою тощую шейку пальцами и задавил. Но я не делаю этого, потому что ты обещала мне жертву. И я ее принимаю.

— Что... что нужно, чтобы ты ее забрал и наказал? — задыхаясь от ужаса, произнесла Ветта, вглядываясь в сияние холодных недобрых глаз под черным капюшоном.

— Мне нужна часть ее. Крохотная часть ее тела. Кровь. Волосы. Слезы, — Демон многозначительно махнул мокрым платком. — Что-то, что еще недавно было ею. Для начала. Так я смогу связать ее с собой. И во второй — она сама должна будет прийти сюда. Ко мне. В мой дом. И тогда я заберу ее. Но ты должна знать: как только первая жертва будет принесена, Демоны снова вернуться в этот мир, и вам так просто избавиться от нас уже не удастся.

Но Ветте, казалось, было все равно, что она будит древнее зло. Ужасный демон, которого она так боялась, не причинил ей ни малейшего вреда и даже не преследовал, когда она бегом рванула прочь из призрачного дома. Ее ноги мелькали в лунном свете, под подошвами туфелек шуршал гравий, шумел лес. Ветта бежала, не оглядываясь и не видела, как из ее ненароком рассеченной лодыжки мелкими капельками падает алая кровь — прямо на змеящуюся под ногами тропинку. Не видела она и то, как эта кровь прорастает алыми корнями в пропитанную древней магией землю, и распускается на руинах замка Демонов темными дымными лентами, которые сплетаются и выстраивают небольшой флигель, часть большого целого. На остроко-

нечной крыше завертелся черный флюгер, а в высоких окнах зажегся свет. Но не теплый, как от огня в камине, а синий, холодный, мертвенный.

Глава 4. Золотой Наперсток

Вовсе не так Элиза представляла свою помолвку и свою Клятву. Ну а получилось все так: глядя в невероятно красивые глаза молодого человека, которого видела, наверное, третий раз в жизни, она дрожащим голосом принесла Клятву. Клятву в том, что обещает себя ему.

— А я обещаю себя тебе, — звучным, полным обожания и ликования голосом произнес Артур, бережно держа ее ладони в своих ладонях.

И не было никого из подружек и друзей. Не было зевак, любящих смотреть на красивые церемонии. Да и церемония-то была очень проста, скромна и быстра, и присутствовали на ней только родители Элизы и Артура.

Ветту и ее родных отец Элизы выставил. Он очень недобро глянул на разъяренного брата, на его покрасневшее лицо и неряшливые лохматые бакенбарды, и негромко, но властно сказал:

— Мне кажется, что уместнее будет, если вы покинете храм. Вас на помолвку не приглашали.

Ветта рыдала беспрестанно и икала. Ее диадема совсем сбилась набок, нос покраснел. Мать с трудом удерживала расклеившуюся несостоявшуюся невесту на ногах. Отец Ветты злобно оскалился.

— Даешь нам от ворот поворот, братец? — высоким писклявым голосом проверещал он, брызжа слюной. — Я этого так не оставлю! Попробуй только обмануть! Ты обещал!..

Маленький, обрюзгший, тощий, он походил на старую драную крысу. Отец Элизы, суровый, строгий, непоколебимый, как гранитная черная скала, чуть отступил от него, глянул свысока.

— Я поклялся, — негромко промолвил он. — Значит, свое вы получите как обещано. Идите и оставьте влюбленных детей в покое!

Но стоило только словам Клятвы прозвучать, как он ухватил Элизу за руку и почти силой потащил ее к выходу.

— Куда же вы?! — крикнул им вслед растерянный Артур. — Я даже не познакомился со своей невестой!

— Ох уж эта легкомысленная молодежь... Даже не знаете имени, и женитесь! Моя дочь пообещала вам себя, — не оборачиваясь, прокричал суровый отец. — Чего ж вам еще?! Отправляйте ваше золото вашей несостоявшейся невесте с извинениями, а мою дочь вы увидите на официальном мероприятии, на празднике в честь вашей помолвки! Милости прошу в мой дом!

Ничего не понимающую Элизу он затолкал в свою карету и велел кучеру спешно везти их домой.

— Папа! — воскликнула Элиза, отошедшая от испуга и всего происходящего. — Что ты делаешь?!

Она выглянула из кареты и увидела Артура, выбежавшего вслед за нею из храма и теперь стоящего растеряно на дороге. Карета быстро уносила Элизу прочь от ее неожиданного жениха, его фигура становилась все меньше, и скоро совсем исчезла из виду, растворилась во внезапно хлынувшем дожде.

— Не переживай, милая, — посмеиваясь, потер руки маркиз Ладингтон. — Он крепко сел на крючок и уже не передумает!

— Да что происходит такое?! — сердито выкрикнула Элиза. — Объясни мне уже! Ты пугаешь меня! Ты пугаешь меня! То ты запрещаешь мне даже смотреть в сторону этого молодого человека, то ни слова не говоришь, когда он делает мне предложение! Разрешаешь произвести Клятву — и тут же утаскиваешь прочь! Что это значит?!

— Это значит, — ответил отец, — что я не доверял этому гладкому прохвосту, этому золотому воришке! Поэтому и не хотел, чтобы он обратил на тебя внимание и заморочил тебе голову! Но раз уж он готов жениться, то пусть женится, хе-хе... Видела, как он смотрел на тебя? Прямо поедал глазами! Похоже, действительно влюбился.

— Золотой воришка?! — воскликнула Элиза, неприятно пораженная тем, как отец относится к ее будущему мужу. — Но Артур...

— Кровь от крови плоть от плоти своих родителей! — перебил ее отец. — Да, да, я знаю, что ты сейчас скажешь: он ученый, вежливый, хороший. Но я много прожил на свете и много людей повидал, и потому скажу тебе, — отец погрозил внушительно пальцем у самого носа испуганной Элизы. — Не верь хорькам!

— Хорькам? — переспросила перепуганная Элиза.

— Конечно, хорькам, — недобро ухмыляясь, ответил отец. — Такие чистенький, такие с розовыми ушками, такие богатенькие!.. Как ты думаешь, откуда у них столько денег, если титула к ним нет и никогда не было? У них не было в роду королей, да даже самого завалящего барона тоже не наблюдалось! А меж тем у них богатый дом, дорогая одежда. Разве что зады не позолочены. На палочках магии столько, что уже и места не хватает вешать новую! И они не работают. Не разводят лошадей и собак, не продают дорогие ткани и духи. Так откуда деньги?

— Я-а-а, — проблеяла Элиза, не знающая ответов на все эти вопросы.

— А я скажу, откуда, — хитро посмеиваясь, продолжил маркиз Ладингтон. — Давным-давно в руки одного из предков твоего драгоценного Артура попал магический золотой наперсток. Красивая маленькая вещица для модника, берегущего красу своих ногтей. Только наперсток этот приносил удачу в картах. Они картежники, милая. Сказал бы, что шулера, но они не прячут карты в рукавах. Им этого не надо. Ты думаешь, зачем этот Артур уезжал так надолго из города?

— Уч... учиться, — пискнула Элиза.

— Как бы не так! Зарабатывать, — хохотнул маркиз. — У нас, в Лонгброке, этих прохвостов все знают. Да даже если папаша Эйбрамсон нацепит фальшивые усы и приделает деревянную ногу, чтоб его не узнали, никто не сядет играть с тем, у кого на пальчике поблескивает золотой наперсток. А там, далеко, за Вечным лесом, о них никто не слыхивал. Мир велик; а мальчик вырос достаточно, чтоб поддерживать семейный бизнес. Интересно, скольких недотеп он раздел до штанов за пять лет?.. Студент!

— Фу, папа! — вскричала Элиза. — Скажи, что ты все это придумал!

Образ прекрасного, нежного златоволосого Артура с прекрасными печальными глазами не вязался с тем, о чем толковал маркиз Ладингтон. Принц из сказки, весь в белом с золотом — мошенник, карточный игрок, шулер?!

— Я бы рад, дорогая, да не могу. Я видел, с каким количеством багажа он прибыл. Он привез очень много добра. Очень. Знакомым он говорил, что это все сувениры и подарки друзьям, модные большие шляпы для матери, да только в сундуках его было золото слитками.

— И ты дал согласие на наш брак?! — вскричала Элиза. Отец неодобрительно покосился на нее.

— Что ж с того? — ответил он. — Он же тебе понравился.

— Но ты сам называешь его мошенником!

— Шулером, милая.

— Да какая разница! — взвилась Элиза. — Зачем ты позволил...

Отец холодно посмотрел на нее.

— Что, прошла любовь? Это лучше, если ты будешь смотреть на происходящее трезво.

— Но...

— Никаких «но». Этот мальчишка богат, как король. Не сомневаюсь, что он еще не раз поедет «повидать мир», да и тебя может с собой прихватить. Разве плохо? Будешь есть-пить

на золоте. А не будешь душой, — отец угрожающе понизил голос, — так и наперсток у него раздобудешь. В карты научиться играть никогда не поздно.

— Но папа! — вскричала потрясенная Элиза. — Ты предлагаешь мне, своей дочери, вот здесь и сейчас, когда брак еще не заключен, обмануть своего мужа потом, выманить у него эту вещицу и самой обыгрывать доверчивых людей?! Разве это прилично?! От тебя ли я слышу эти ужасные уроки?

Отец ничего не ответил на эту пылкую речь Элизы. Он лишь взглянул на дочь неодобрительно и откинулся на спинку сидения. Лицо его исчезло в полумраке кареты.

— Никогда не знаешь, какое из умений пригодится в жизни, — проворчал он. — Разве ты не хочешь быть богатой и независимой? Сама себе госпожа, красивая, состоятельная... В конце концов, могла бы и старику-отцу помочь. На старости лет хочется отойти от дел и немного расслабиться, посидеть в кресле на солнышке...

— Но ты же сам не хотел, чтобы мы с Артуром встречались! Не хотел, не хотел, не отрицай! Ты заставлял меня надевать то самое ужасное синее платье, чтоб он на меня не смотрел!

Маркиз фыркнул.

— Конечно! Увидь он тебя, тут начал бы морочить тебе голову. А какому отцу понравится, что какой-то прохвост трется около его дочери? Но он как будто действительно собрался жениться на тебе. И я не против законных отношений. Но до свадьбы тебе не стоит с ним видеться. Мало ли что у него на уме...

Глава 5. Артур

В доме Элизы был праздник.

Отец на помолвку дочери пригласил своих друзей, влиятельных людей города, в том числе и родителей Артура и его самого. Людей было очень много, так много, что Элиза растерялась, и когда пришла ее очередь говорить приветствие гостям, она едва смогла пропищать пару слов не своим голосом. Голоса гостей гудели как рой пчел, все лица сливались в одно, и Элизе от волнения казалось, что у нее начался жар.

Отец же, устроив этот пышный прием, надуваясь от гордости, при всех сделал громкое заявление.

— Артур, этот блестящий молодой человек, такой утонченный, образованный, сделал выбор в пользу Элизы, хотя это было и нелегко! Связанный клятвами...

Отец долго говорил, все больше раздуваясь от гордости. Так долго, что Элиза успела устать и заскучать, несмотря на то, что Артур был рядом, сидел за праздничным столом напротив нее и смотрел на нее вдохновенным взглядом.

На прием ее раздели в пух и прах. Желтый шелк, кружева, бриллианты. Элиза чувствовала себя тортом, который можно испортить, просто ткнув в него пальцем. Артур, наверное, чувствовал себя не лучше. Он был одет в алый атлас с головы до ног. На туфлях у него были невероятной величины банты, а его жилет был сшит из такой гладкой ткани, что, наверное, и муха бы соскользнула. Пышный галстук с самыми дорогими кружевами будто бы удушал несчастного жениха. Артур сидел молчаливый и бледный и почти ничего не ел, видимо, боясь испачкаться.

«Никогда не думала, что помолвочные обеды это так скучно, — сердито думала Элиза, нехотя колупая ложечкой воздушный десерт. — Куда интереснее было бы, если б мы сами решали, как проводить время! Устроили бы танцы или милый пикник... а слушать бесконечную болтовню мэра и отца невероятно скучно!»

Артур, кажется, думал так же. Он поглядывал на невесту, но отчего-то не решался заговорить с ней. Может, оттого, что все внимание тотчас было бы устремлено на него, и посторонние люди с удовольствием послушали бы, о чем там воркуют голубки.

Его волшебная палочка из редкого кедра словно невзначай коснулась его тарелки, и Элиза опустила лицо, скрывая смешок, глядя, как по знаменитому матушкиному рагу пошла рябь, а стручки зеленой фасоли удивленными бровями взлетели над двумя маленькими картофелинами. Жирная подлива в тарелке Артура что-то чавкнула по секрету его бокалу, и тот в свою очередь, склонился посекретничать над натертой до блеска серебряной сахарницей.

Столовое волшебство быстро облетело все приборы на столе, и закончилось это тем, что пузатый серебряный бокал отца Элизы встрепенулся, словно проснулся от крепкого сна, когда канделябр толкнул его локтем в бок. Бокал помигал красными глазками украшающих его рубинов, прислушался к потрескиванию свеч разбудившего его канделябра, и коварно заковылял к бокалу отца Артура.

Почтенный господин Эйбрамсон, кажется, был навечно отлучен супругой от спиртного и пил исключительно воду. Коварный подкравшийся бокал отца Элизы толкнул собрата, плеснув в него добрую толику своего содержимого, и так же коварно, ковыляя и покачиваясь, вернулся на свое место.

Скоро стало ясно, зачем Артур это сделал. Хлебнув немного разбавленного вина, отец Артура окосел мгновенно и начал откровенно клевать носом прямо за столом, совершенно неприлично похрапывая. И сколько б его не толкала в бок матушка Артура, это совершенно не помогало. Со счастливым выражением на лице пожилой джентльмен поудобнее устраивался

в кресле и храпел все громче, всем своим видом показывая, как ему хорошо. Поэтому ужин пришлось прервать и дорогого уставшего гостя проводить до кареты.

Когда жених отбыл, Элизе, наконец, разрешили встать из-за стола и уйти к себе. И за это она была ото всей души благодарна Артуру, несмотря на то, что они совсем не поговорили. Жених и невеста были практически не знакомы, вот это пикантно! Но все же хотелось бы познакомиться и хотя бы поговорить прежде, чем ее, в фате и новых туфлях, вытолкнут к алтарю за ее опрометчивое согласие.

А поговорить с Артуром ей хотелось. Хотелось послушать его голос, и хотя бы попытаться разузнать, правда ли все то, о чем говорил отец Элизы. Все его слова здорово подпортили образ Артура в воображении Элизы. Вспоминая его красивое лицо, девушка млела, тайком вздыхала, замирая от восторга, но слова отца возвращали ее с небес на землю.

«Неужто этот красивый, утонченный молодой человек и правда зарабатывает на жизнь нечестным путем? — думала Элиза. — Однако, папу это как будто бы не смущает... или смущает? Он ведет себя странно. Не могу понять его. О любом другом игроке он отозвался бы плохо и на порог бы его не пустил, а за Артура отдает меня замуж... неужто дело только в наперстке? Он хочет его заполучить? А как же честь? Как же я? И что будет потом, если мне удастся этот наперсток раздобыть?»

Но ответов на все эти вопросы не было.

Впервые Элиза с радостью избавлялась от красивого платья и украшений, которые ей толком даже показать не дали. Вместо бального наряда она натянула простенькое пестрое домашнее платьице, в котором можно было не только поваляться на кровати, но и в саду на травке. Стало уж совсем темно, и Элиза захотела сделать себе ночной фонарик, приманив светлячков. Однако, открыв окно, она вскрикнула от изумления, потому что прямо напротив нее, оседлав крепкий сук дерева, сидел Артур в своем атласном алом костюме, с самым перепуганным лицом, какое можно только вообразить. Холодный порыв ветра ударил Элизе в лицо, скользнул по ногам ледяной змеей, и девушка невольно поежилась. Если ей так холодно здесь, в комнате, то каково же тогда Артуру там, на дереве?

— Что это вы такое делаете, господин Эйбрамсон!? — потрясенная, воскликнула Элиза.

— Иду к вам в гости, мисс Ладингтон, — неуверенным голосом ответил Артур. Кажется, ему было не очень комфортно сидеть на пронизывающем ветру на шершавой ветке, цепляющейся за его расфуфыренную одежду листьями и мелкими веточками. Но он мужественно терпел эти неудобства.

— Но почему таким образом!? — удивилась Элиза.

— Так ведь ваш батюшка не велел нам встречаться, — пожал плечами Артур, продолжая крепко держаться за ветку. — А узнать вас поближе мне очень хочется... как и посмотреть в ваши прекрасные глаза. Когда я смотрю на девушку, которая мне нравится, чувствую себя абсолютным дураком. А мне не хотелось бы, чтоб это заметили посторонние. Так вы позволите?..

— Да, конечно, — спохватилась Элиза. — Залезайте скорее в комнату, пока вы не свалились!

Артур с этим делом кое-как справился и вскоре перевалился через подоконник с карманами, полными листьев. С минуту он отряхивался и чистился, и Элиза со смешком подумала, что он действительно похож на хорька, вскарабкавшегося по дереву и нацеплявшего колючек в шкуру.

— Ужасный костюм, — совершенно серьезно произнес Артур, отряхивая алые атласные штанишки по последней моде — до колена и с пуговками. — Но матушка считает, что он мне очень к лицу. Пришлось надеть.

Элиза звонко рассмеялась.

— Вы всегда делаете то, что вам велит матушка? — нарочно поддразнивая молодого человека, произнесла она.

— Лишь иногда, — ответил Артур. — Она так волновалась перед этим приемом, что начала чихать и не могла остановиться. Если бы я не уступил ей, она чихала бы до сих пор.

Элиза снова рассмеялась, и Артур, осмелев, шагнул к ней ближе и взял ее руку для поцелуя, глядя в ее лицо с нескрываемым восторгом.

— Элиза! — выдохнул он с обожанием ее имя, благоговейно касаясь ее руки губами. — Вам кто-нибудь говорил, что вы совершенство? Любой был бы счастлив обладать вами! Ваша красота просто неподражаема! Вы чудо, вы ангел! Вы самое совершенное существо из всех!

И он страстно прижался губами к руке Элизы.

Нельзя сказать, что Элизе не нравились эти комплименты, как и красота, и пылкость молодого человека, который решился на такой отчаянный поступок, чтобы увидеть ее. Однако все нелестные слова отца тотчас же всплыли в ее памяти. Девушка усмехнулась, отстранившись от своего жениха, и руку свою у него отняла.

— Вам удалось узнать мое имя, — произнесла она. — Это большой прогресс! Хотя жениться на девушке, не зная даже ее имени, было бы куда пикантнее! Вы всегда поступаете так порывисто и необдуманно?

Себя Элиза, конечно, в поспешности не винила. Точнее, винила, но не так, как жениха. В конце концов, она его видела — хоть и издали, — мечтала с ним танцевать и обратить на себя внимание самого красивого юноши города. Так же она кое-что знала о его добродетелях из восторженной болтовни Ветты, заочно хотела ему понравиться, и даже была слегка влюблена. А вот Артур видел ее первый раз.

Любовь с первого взгляда? Безумная страсть? Это ужасно романтично! Эта мысль здорово льстила Элизе, она уже предвкушала завистливые охи подружек и рыдающую Ветту в день своей свадьбы. Но что-то царапало, беспокоило, как хлебная крошка на простыне... Все ужасно не вязалось. Утонченный умный студент, вежливый кавалер, пылкий влюбленный и... карточный расчётливый шулер, оставляющий людей без штанов и средств к существованию.

Услышав ее насмешливые слова, Артур изменился в лице. Растерянный и немного напуганный, он был еще красивее, и Элиза, смягчившись, не могла не признать, что сейчас он выглядит очень привлекательно и одухотворенно.

— Элиза, — произнес он, явно потрясенный. — Вы что — вы передумали!? Но тогда, у храма, мне показалось, что вы отвечаете мне взаимностью! Я подумал, что это судьба — встретить прекрасную девушку, которая полюбит меня с первого взгляда!

— Так и есть, — ответила Элиза тоном девушки, привыкшей вертеть поклонниками налево и направо.

— Так отчего теперь вы так холодны?! Чем я провинился перед вами?

— Кое-что произошло, — ответила Элиза, изо всех сил стараясь придать себе вид выскомерный и ужасно надменный.

— Что?! — ужаснулся Артур. В его синих глазах промелькнул такой страх, что Элизе стало его жаль.

— Папа рассказал мне, чем вы зарабатываете себе на жизнь... Это мне не очень нравится, признаюсь.

Артур промолчал, но на лице его отчаяние тотчас сменилось на живейший интерес. И ни капли раскаяния или смятения в молодом человеке не было. Эта реакция заставила Элизу призадуматься и засомневаться в словах отца еще больше.

«Не может такой утонченный молодой человек, как Артур, этим заниматься! Или может? Притворяется? В таком случае, это самый великий актер и самый искусный и мерзкий лгун из всех, кого я только видела!» — сердито подумала Элиза, пристально вглядываясь в красивое лицо юноши.

— Вы играете в карты, — продолжила Элиза свою обвинительную речь. — И играете нечестно.

— Я?! — потрясенный, выдохнул Артур.

— Вы, — подтвердила Элиза. — И ваша поездка якобы учиться на самом деле не что иное, как продолжение семейного дела! Ваши походные сундуки были набиты золотом, а вы...

Ее пылкую речь прервал хохот молодого человека. Артур хохотал, утирая катящиеся из глаз слезы.

— Это кто же вам такое рассказал, — стонал он, без сил опускаясь на стул. — Ох, простите, невежливо сидеть перед дамой, но вы меня здорово развеселили!

И он снова так и покатился со смеху.

Его веселость совершенно сбили Элизу с толку. Артур вовсе не был поражен брошенными ему в лицо обвинениями, и ни стыда, ни раскаяния Элиза не увидела. Неужто отец ее обманул!?

— Еще скажите, что история про волшебный наперсток это выдумка! — буркнула сбита с толку Элиза.

— А-а, наперсток, — отсмеявшись, ответил Артур, запустив руку в карман. — Конечно, нет. Волшебный наперсток у нас есть. Вот он.

И молодой человек отыскал и показал Элизе самую изящную безделушку из всех, что она видела. Наперсток походил скорее на настоящий кончик пальца, только золотой и как следует отполированный.

— Хотите, подарю? — внезапно предложил Артур, увидев, как у Элизы разгораются глаза.

— Что, вот так просто? — удивилась она. Молодой человек снова пожал плечами и обаятельно улыбнулся, так, что на его щеках заиграли ямочки.

— Вот так просто, — ответил он, глядя ласковыми глазами на Элизу. — Это и правда семейная реликвия. Она переходит от отца к сыну в день совершеннолетия. Когда-то, надо признаться, он приносил моим предкам удачу. Они действительно выиграли наше состояние в карты. Видите, я честен с вами, ничего не скрываю. Но они выиграли так много, что играть больше незачем. Люди нам завидуют и придумывают небылицы. Сундуки, полные золота!.. Там были книги! Вы знаете, сколько книг надо прочесть, чтобы закончить университет? Подвалы наши переполнены сокровищами... а наперсток больше не работает. Сломался, или магия испарилась. Я пробовал играть, — Артур рассмеялся, — но проигрался в пух и прах. Так что сейчас это всего лишь красивая вещица и семейная реликвия. Просто напоминание о том предке, который раздобыл его и тем самым помог нашей семье разбогатеть.

Артур вложил наперсток в ладонь Элизы и сжал на нем ее пальцы.

— Но в нашем случае, — дрогнувшим голосом произнес Артур, привлекая девушку к себе, — даже если я его вам подарю, он все равно останется в семье, не так ли?..

Молодой человек страстно обнимал Элизу. Его руки сквозь тонкое платье казались обжигающе-горячими, дыхание опаляло ее губы. Артур словно голову потерял от любви и весьма умело загнал Элизу в ловушку. Оказавшись в его объятьях, девушка сообразила, что он очень ловко склоняет ее к поцелую. На миг на его склоненном над Элизой лице промелькнуло что-то такое, отчего девушка напугалась и оттолкнула его, вскрикнув. Артур перестал походить на румяного принца с картинки, на его лице появилась вполне плотская страсть, и Элиза поняла, что он мужчина, такой же, как и все. А она — она глупая девчонка, запертая в комнате с мужчиной. И он хочет от нее совершенно определенных и недопустимых вещей, тех самых, от которых предостерегал ее отец.

— Что это вы задумали, — пискнула Элиза, выставив ладошку перед лицом своего жениха. Его поцелуй пришелся в ее пальцы, и она, краснея, выскользнула из рук Артура. —

Ах, какой!.. Вот о чем говорил папа, вам доверять нельзя! В обход его запретов вы сюда забрались, чтобы... чтобы...

Артур тоже покраснел, но скорее от досады, что ему не удалось получить поцелуй, на который он так рассчитывал.

— Да я не хотел ничего дурного, — произнес он.

— Да?! — воскликнула Элиза. — А зачем же тогда лезли в мое окно?!

На лице Артура расцвела самая милая и самая счастливая улыбка, на какую только он был способен.

— Подарки, — немного застенчиво произнес он. — Я же принес вам подарки! Вы любите подарки, мисс Элиза?

Не говоря больше ни слова, Артур полез за пазуху и с ловкостью фокусника вытащил сверток в нарядной подарочной шелковой бумаге. Элиза тотчас же забыла о своих опасениях и с любопытством бросилась разворачивать презент от Артура. В квадратной коробочке из глянцевого картона Элиза обнаружила крохотную серебряную чернильницу и серебряное перо.

— О, какой милый сувенир! — прошептала она, вертя вещицы так и этак.

— Это работа мастеров из-за Вечного леса, — довольный, что его подарок понравился, произнес Артур. — Магическая чернильница.

— А что она умеет?

— Она умеет отсылать послания на расстояния, — ответил Артур. — Вам достаточно подумать о чем-нибудь, и о человеке, которому вы хотите написать письмо. Попробуйте!

Элиза крепко зажмурилась с улыбкой на губах. Чернильница на ее столе пошевелилась, разогнула ножки. Ухватив перо, она стащила с себя крышечку, макнула его в чернила и старательно, очень красивым почерком, выписала слово «спасибо» на первой попавшейся бумажной странице. Это была страница книги, но это как будто чернильницу не смущало. Деловито рванула она бумагу, сложила самолетик, пыхтя от усердия, и швырнула его в Артура.

— Получилось! — Элиза радовалась как ребенок. — Ой... только книга испорчена.

— Да, — слегка смущенно отозвался Артур. — Небольшая недоработка... рядом с ней лучше оставлять записную книжку или чистую тетрадь...

Артур, вероятно, хотел еще что-нибудь рассказать, но тут за дверью Элизы раздался скрип ступеней на лестнице и тяжелые шаги. Вероятно, это отец шел пожелать дочери спокойной ночи.

В мгновение ока Артур оказался на подоконнике, а оттуда — на толстой ветке дерева. Он карабкался по дереву так ловко, что Элиза снова невольно вспомнила про ловкого хорька. Несколько секунд — и он исчез в темноте, и ничто не выдавало его присутствия в комнате Элизы, кроме крохотной, почти игрушечной чернильницы и золотого наперстка, зажатого в ее кулачке.

Глава 6. Холодное пламя

Отец, пробурчав добрые пожелания дочери на ночь, удалился. А Элизе как на грех не спалось. Снизу все еще раздавались голоса гостей, засидевшихся допоздна. Они тревожили Элизу и не давали успокоиться ее мыслям.

Она крутилась в постели, вертела подаренный наперсток и так, и этак. Вещица была, право же, прелестная. Блестящая, маленькая, очень красивая. Украшение, а никак не рабочий инструмент белошвейки. Но кто ее сделал и для чего? Ведь никто повторить ничего подобного не смог, даром же этот наперсток такой особенный.

Элиза решительно откинула одеяло и натянула платье, отыскала под кроватью домашние туфли.

«Они сколотили себе целое состояние, — размышляла Элиза, тихонько спускаясь по скрипучей лестнице вниз. — И при этом ни у кого из проигравших не возникло и мысли отнять свое добро обратно или мстить... мало ли на свете людей! Некоторые бывают очень обидчивы. А тут такие сокровища — и ни одного недовольного!»

Целью Элизы была отцовская библиотека. В его шкафу много умных книг. Там Элиза рассчитывала поискать ответ. Ведь знал же отец откуда-то о наперстке, и при этом никогда не проигрывал Эйбрамсонам. Иначе семья Элизы жила бы намного, намного хуже...

В библиотеке было прохладно, по ногам сквозило ледяным дыханием ночи, словно все окна раскрыты. Плавал голубоватый дым. Элиза сначала не придала этому значения, но едва она зажгла свечу, как свет пламени выхватил из мглы лицо мужчины, сидящего в кресле как раз напротив окна.

От неожиданности Элиза вскрикнула и свечу уронила. Огонек пламени погас, но тотчас мигнул и зажегся вновь, но уже холодным голубым пламенем. Свеча, подчиняясь воле мага, аккуратно вернулась в канделябр, стоящий на столе. И прочие свечи тоже зажглись сами собой, расцвели голубыми языками пламени, отразились в лакированном дереве столешни блуждающими болотными огнями.

— Доброго вечера, мисс Элиза, — произнес неизвестный, привстав в знак почтения и поклонившись.

— Кто вы, что вы тут делаете?! — в испуге воскликнула Элиза, отчаянно сжимая вещицу, которая привела ее в такой поздний час в библиотеку.

Надо отметить, что неизвестный был диво как хорош собой. Красивее Элиза никого не видела в своей недолгой жизни. Она стояла, замершая перед ним, и чувствовала, как вдруг ее ноги становятся ватными и слабеют, во рту становится сухо, а сердце в груди колотится, словно Элиза бежала добрых десять миль, не останавливаясь.

Незнакомец был заметно старше Элизы, черноволос, высок — это Элиза отметила, когда он встал поклониться ей, — широк в плечах. Это был взрослый мужчина, хорошо сложенный, сильный. В его движениях было много уверенности в себе и опасной гибкости, как у огромного хищного зверя перед прыжком. В его образе не было ничего небрежного, неловкого или смешного. Казалось, черные волнистые волосы его были уложены волосок к волоску с особым тщанием, и костюм словно только что отглажен. У него было умное лицо с тонкими красивыми чертами, прямой нос с изящно вырезанными ноздрями, спокойные губы, хорошо очерченные и чувственные. Одет он был в невероятно дорогой костюм из черного материала, в жилет, на котором поблескивала цепочка от часов, и черную сорочку. При малейшем движении по ткани разбегались стайки искр, повторяющие замысловатые узоры, набитые на ткань. Его черный шелковый галстук скалывала дорогая бриллиантовая брошь.

Но ярче всего светили его прекрасные глаза, синие, как дорогие сапфиры, холодные, как пустынная глубина неба, как пластинки льда в северном океане, и яростные, как безжалостная

стихия. Глянув в эти глаза только единожды, Элиза почувствовала как пол уходит у нее из-под ног, и как ее тянет, неудержимо тянет вперед, к этому незнакомцу.

«Как хорошо было бы, — словно зачарованная, подумала она, не сводя взгляда с незнакомца, — если б он запустил свои руки в мои волосы, растрепал бы их и...»

Что дальше, Элиза не решила. Она просто не знала, что следует дальше, после подобных действий со стороны мужчины. Ее воображение не рисовало ей ничего, кроме поцелуев, но поцелуи это что-то невесомое, и нежное, все равно, что провести лебяжьим пером по губам. Стир тайком целовал ее на прогулке, и это будоражило и волновало кровь, но огромного удовольствия Элиза не почувствовала.

А сейчас, рядом с этим мужчиной, все ее существо буквально пылало от странного, непонятного ей самой желания. В трусиках ее стало горячо и мокро, Элиза почувствовала приятную теплую пульсацию между ног, и незнакомец усмехнулся, будто угадал ее стыдные желания.

«Бесстыдница! — ругала себя сама Элиза. — У меня есть жених, Артур! И он славный... он не заслуживает невесту с такими грешными мыслями! Небо пресвятое, почему я думаю об этом незнакомце с таким неуважением?! Да, да, это неуважение и бесстыдство! Он наверняка женат. Богатый и солидный человек. А я допускаю такой срам в мыслях о нем!»

Элиза сама не знала, почему она сделала пару шагов навстречу его голодному зовущему взгляду и присела в реверансе, приветствуя того, кого здесь не должно было быть.

— Не пугайтесь, мисс Элиза, — небрежно отозвался незнакомец, все так же пристально и опасно глядя на нее своими страшными и прекрасными глазами, — я гость вашего отца. Зашел сюда, чтобы в тишине и покое выкурить сигару, только и всего. А вы?.. спустились, чтобы взять книгу, почитать на ночь?

— С чего вы взяли, что я — Элиза? Может, я служанка, — дерзко ответила девушка, с трудом подавляя волнение и нервную дрожь. Да что же это такое?! Отчего отцовский гость производит на нее такое впечатление?! Элиза испытывала невероятное желание подойти к нему, усесться на его колени, обвить шею руками и подставить шею под его поцелуи. Стыд-то какой!

— Нет-нет-нет, — незнакомец рассмеялся, выпуская облачко душистого сигарного дыма, и Элиза едва не грохнулась в обморок от красоты его улыбки. Влечение стало почти невыносимым, в животе стало тепло и тяжело, и Элиза, дрожащая всем телом, едва сдержала откровенный стон желания. — Вы именно хозяйская дочка, несмотря на ваш простой домашний наряд, — мужчина указал рукой на скромное платье Элизы. — Вы носите вашу волшебную палочку на цепочке, на талии, как светская дама. Прислуга и те, кому приходится зарабатывать на жизнь своим трудом, держат палочку под рукой и носят ее на ленточке на запястье.

— Моя кузина носит ленточку на запястье, — насмешливо фыркнула Элиза. Наваждение внезапно схлынуло. Она судорожно выдохнула, одновременно стыдась и утешаясь той мыслью, что, скорее всего, это был просто шок, *а не то, о чем она подумала...*

— Значит, кузина ваша бедна, — беспечно ответил незнакомец. — Прислуги у нее нет. И ей приходится одеваться самой.

— Мадам Эйбрамсон носит палочку на запястье! — не сдавалась Элиза, сама не понимая, почему ведет этот странный спор с незнакомцем и зачем подходит к нему все ближе и ближе. — А богаче их семьи в городе нет!

— Значит, она когда-то была бедна, а потом вдруг внезапно разбогатела. Появилась прислуга, но старые привычки... от них не так легко избавиться.

— А вы очень проницательны, — произнесла Элиза, признав его правоту. Она сама не поняла, как оказалась совсем рядом с сидящим мужчиной, и он снова поднялся из своего кресла, огромный, пугающий и прекрасный.

— Благодарю, — ответил он. — Вы совсем замерзли. Позвольте мне вас согреть?

Щеки Элизы вспыхнули от стыда, потому что в голове сразу же промелькнула картинка, красочно изображающая, как он мог бы ее согреть — крепко обняв и прижав к себе грубовато,

но надежно. Но незнакомец всего лишь щелкнул пальцами, и в камине вспыхнул и запылал теплый живой огонь.

— Так можно полюбопытствовать, — меж тем продолжил незнакомец, заботливо подвигая к огню кресло и усаживая в него Элизу, — что привело вас в такой поздний час в библиотеку? Для юной барышни довольно странно в поисках знаний разгуливать по дому ночью.

— Я хотела кое-что узнать об одной вещи, — отважно ответила она и выложила на стол наперсток. — Вот об этой.

Незнакомец присвистнул, удивленно глядя на наперсток. Похоже, он точно знал, что это такое.

— Откуда вы взяли его? — спросил он, разглядывая прищуренным глазом блестящую в свете огня вещицу.

— Мне подарили его, — уклончиво ответила Элиза. — Он раньше был волшебным, а теперь сломался.

— Сломался? Какая чушь. Он в полном порядке, — уверенно произнес незнакомец, склоняясь над вещицей, но, однако, не касаясь ее. — Вы позволите?..

— Да, конечно, — отчего-то ответила Элиза, хотя незнакомец только что уверил ее, что наперсток все еще работает.

Осторожно, словно боясь смять изящную безделушку своими длинными сильными пальцами, незнакомец снял наперсток со стола и поднес его к глазам. Его взгляд вспыхнул, как северное сияние над полюсом, он тихо рассмеялся.

— Да, это он, — пробормотал незнакомец, поворачивая наперсток и так, и этак.

— Вы знаете, что это? — удивилась Элиза, вытянув шею, чтобы увидеть, что там незнакомец рассматривает на золотой поверхности наперстка. Надпись? Имя владельца? Мастера?

— Это мизинец грозного Первого Демона, — посмеиваясь, словно это было невероятно забавно, ответил незнакомец. — Видите, тут выгравирован ноготь? И складки, как на настоящей коже. Первый Демон был воином, и многих частей тела он лишался в бою. Например, этого мизинца. Глаза. Носа. Ступни. Он отлил недостающие части тела из золота и на ночь складывал их в сундук. Но однажды этот сундук со всеми магическими вещами у него стащили, вместе с частью демонической силы. Воришкам здорово повезло, что он их не догнал. Но без ноги быстро не побегаешь. Так что расчет был верный.

— Откуда вы все это знаете? — Элиза, которой полагалось сидеть в кресле напротив огня, вдруг обнаружила себя стоящей рядом с мужчиной, рассматривающим ее сокровище. Он перевел на нее свой колдовской взгляд и усмехнулся. От его улыбки Элиза почувствовала, как мороз сковывает ее тело и тотчас же тает, уходит, смытый жаром, разгорающимся в ее крови.

«Думай об Артуре, думай об Артуре, глупая девчонка!» — ругала себя Элиза, но влечение к этому странному человеку было сильнее доводов разума.

— Я знаю много, потому что интересуюсь разными магическими артефактами. Скажем, я антиквар. Есть много волшебных вещей, которые я видел. Еще больше — тех, о которых я слышал. И еще больше — тех, какими я хотел бы обладать.

— И к каким вещам относится этот наперсток?

— К вещам, о которых я слышал и которые видел.

— Вы не хотите его? — Элиза собрала все свое умение, чтобы изобразить на своем хорошеньком личике легкое пренебрежение и разочарование. — Значит, мне не солгали. Этот наперсток больше не работает. Я-то это не вижу, а вы вот сразу определили.

— О, нет! — живо возразил незнакомец. — Он по-прежнему наделен магической силой! И с его помощью можно выиграть в любую карточную игру. Однако, обладание этим наперстком вовсе не так безобидно, как кажется. Демоническая сила никому из людей не приносила

блага. Самые низменные и потаенные человеческие черты могут проявиться вдруг. И тот, кто вчера был добродетельным, завтра вполне может оказаться отпетым негодяем.

Незнакомец надел наперсток на мизинец и слегка щелкнул пальцами. На столе появилась новенькая, блестящая колода карт.

— Можно выиграть, что угодно при помощи этого артефакта. Но есть одно условие! — незнакомец шутливо погрозил Элизе пальцем. — Загадывайте карту.

— Тройка бубей, — машинально ответила Элиза. Незнакомец мазком руки по блестящему столу веером растянул колоду и неспешно, даже не глядя, взял одну из карт. Это была загаданная Элизой карта.

— Играть можно на что угодно, на какие угодно сокровища, — продолжал незнакомец, собрав карты со стола и тасуя их. — Хоть с Императором на все богатства мира. Но нельзя играть на человеческую жизнь, на человеческую плоть и на человеческие желания. К примеру, — синие глаза незнакомца сощурились, глядя на Элизу так, что ее начинала бить неумная дрожь, — представьте, что вы проиграли мне все. Все, до последней нитки. Если я возьму ваши богатства и просто уйду, вы смиритесь с проигрышем. Не станете преследовать меня. Не захотите мстить, — незнакомец словно угадывал вопросы, мучавшие Элизу, и отвечал на них. — Это тоже часть магии этого наперстка. Он умиряет преследователей. Но если я вдруг пожелаю, чтобы вы играли дальше, и поставили на кон свое тело, потому что больше у вас нет ничего, — голос незнакомца стал хищным, зазвучал страстно, так сладко и волнующе, что Элиза охнула и отшатнулась от надвигающейся на нее тени. — Или просто пожелаю поцелуя... Просто поцелуя против вашей воли... тогда я проиграю. Назовите карту.

— Семерка червей, — заплетающимся языком произнесла Элиза, и незнакомец не глядя взял карту.

Он ошибся.

Это был валет, или король — Элиза не успела разглядеть. И как оказалась в объятьях незнакомца — тоже не поняла. Однако, его руки, словно угадывая ее желания, зарылись в ее волосы, распуская прическу, сколотую шпильками. Элиза вскрикнула, ощутив на своих губах свежее, как запах первого мороза, дыхание, и горячий, как раскаленное солнце, поцелуй.

Будто сотни тончайших струек холодного, обжигающего воздуха скользнули разом по теплой коже Элизы и она вскрикнула и забилась в руках странного незнакомца. Лед и пламя в ее крови пролились в самое сердце и разлились по венам странным, нечеловеческим блаженством.

— Пустите, — выдохнула Элиза, изо всех сил упираясь в плечи мужчины. Но вместо того, чтобы оттолкнуть странного незнакомца, она вдруг приникла к нему и ответила на его поцелуй неумело и пылко, сгорая от страсти.

Каждое касание, каждый самый легкий поцелуй топили сознание девушки вспышками наслаждения, она вскрикивала и едва не плакала, когда бессовестный незнакомец жадно, словно хищник свою поверженную жертву, покусывал ее шею и вылизывал горячим языком белоснежный бархат ее кожи. Страсть, неведомая Элизе ранее, овладела ею. Безумная, неконтролируемая, дикая и иссушающая.словно в беспамятстве Элиза обвивала шею мужчины руками, привлекая его к себе, позволила усадить себя на стол и послушно развела перед ним подрагивающие колени.

Его ладони, страстно обласкав ее затылок, шею, плечи, спустились на талию девушки. Незнакомец крепко прижал Элизу к себе, целуя ее до головокружения, сладко и невыносимо интимно, лаская ее мягкие губы языком, а его рука бессовестно скользнула по ее животу, ниже, ниже, пока сквозь тонкое домашнее платье не нащупала горячее местечко меж разведенных ног девушки.

Прикосновение было таким нежным и таким желанным, что Элиза искусала губы, чтоб не закричать от наслаждения. Мужчина поглаживал ее, и Элиза извивалась под его рукой, развратно и откровенно расставляя пошире ноги и прижимаясь к его пальцам сильнее. В какой-то момент, не соображая, что творит, она ухватила его за руку и направила сама — туда, где от желания было почти больно, где пульсировало и ныло, — и вжала его пальцы во влажную горячую впадинку так крепко, что все ее тело вздрогнуло от острейшего наслаждения. Она откинулась назад так далеко, что волосы ее коснулись блестящей столешни, и застонала, долго, жалобно, умоляюще. Ей хотелось, чтобы эти поглаживающие ее пальцы скользнули в ее тело и уняли пожирающее ее желание.

Незнакомец подчинялся направляющей его руке Элизы. В этой бесстыдной ласке он не мог не почувствовать, как она хочет его. Не мог не понять, что она мокрая. Не мог не услышать ее влекущего невинного запаха молодой самки. Его ладонь лишь на миг оставила ее тело, а затем снова скользнула по бедру Элизы, но уже под платьем, по голой коже, полыхающей от страсти, вверх, вверх, неторопливо и жадно, до самого мокрого и ароматного местечка. Когда его пальцы скользнули в ее трусики и коснулись ее девственного, не знавшего ласки раскрытого лона, Элиза вскрикнула. Над нею словно солнце взорвалось, она ухватила его руку, не понимая, почему ее тело охватили сладкие глубокие спазмы и почему его губы ласкают ее разгоряченный рот так мягко и нежно.

Однако, это вдруг отрезвило ее.

Стоило удовольствию развеяться, как стыд навалился на девушку удушливой волной.

— Сейчас же отойдите от меня, — простонала она, стыдливо сжав колени и изо всех сил оттолкнув от себя мужчину. Неведомая ей ранее иссушающая жажда была удовлетворена и вернулась способность соображать. А вместе с ней и понимание того, что сейчас произошло. — Не смейте меня касаться! Не то я закричу! Я не знаю, что вы за друг такой моему отцу, но вы... вы!.. Вы подлый соблазнитель!

Неуемная дрожь била девушку, мороз тысячами иголок колол ее кожу, будто она провалилась в зимнюю реку, под лед. Незнакомец, отступив, лишь усмехнулся. В темноте блестели его неземные синие глаза, глубокие и темные, как небо над пустыней. На его губы, раскрасневшиеся от поцелуя, Элиза смотреть не могла. Ей казалось, что они не просто улыбаются. Казалось, что с ним слетают волшебные слова, и Элиза с трудом удерживала себя от того, чтобы еще раз глянуть на хищную улыбку незнакомца — и снова припасть к этим губам поцелуем, обреченным и покорным, забыв стыд и долг.

«И это перед свадьбой! — ужасалась Элиза, воскрешая в памяти полный щенячьей преданности взгляд Артура. — Магия великая, что я творю! Что!»

Стыдливо сжавшись, она спрыгнула со стола и рванула прочь со всей прытью, на какую была способна. А странный незнакомец остался в темноте и тишине один, все так же странно и страшно ухмыляясь, прижав к пылающим губам пальцы, все еще пахнувшие Элизой.

Глава 7. Бал

Легко сказать — получи кровь Элизы! А как это сделать?! Пырнуть ее вилок за обедом? Но и на обед Ветту не пустили...

Ветта злилась, ужасно злилась. Расцарапанная в лесу лодыжка болела и чесалась, а еще Ветту не позвали на помолвочный ужин Элизы. Этот гадкий маркиз Ладингтон, ее дядюшка, отказал своим ближайшим родственникам с мерзкой ухмылочкой, словно они были прокаженные или того хуже — нищие безвестные голодранцы!

— «Соберутся только важные господа и мэр!» — свернув язык трубочкой и вытаращив глаза, прошепелявила Ветта, непочтительно передразнивая дядюшку. — «Бя—бя—бя—бя, бу—бу—бу!»

А там наверняка был торт. В животе Ветты, скучно бурча, переваривались надоевшие бобы, а перед глазами стояла красочная картина — залитый сладким кремом огромный торт с розами. Ну ничего—о—о... впереди бал, и туда—то Ветта приглашена наверняка. Если б ее и туда не позвали, то поползли бы слухи, что маркиз боится упустить выгодную партию для дочери, а слухи ему не нужны. Ветта облизнулась, громко рыгнула бобами, покрепче сжав веревочную ручку деревянной бадьи и, стуча деревянными башмаками по камешкам, решительно полезла в темные заросли, в плети огромных оранжевых тыкв, зреющих на влажных грядках.

Там она устроилась под особо развесистыми лопущающимися плетями, уселась прямо в рыхлую землю и достала из бадьи красивый фонарик. Волшебной палочкой она указывала на мечущихся над травой светляков и запирала их в фонаре, пока их не набралось достаточно, чтоб тот осветил приличное пространство. Выбрав самую спелую тыкву, Ветта установила на него фонарик и немного отошла, дожидаясь результата.

— Идите сюда, мерзкие твари, — злобно шептала она, глядя, как в волшебном мерцающем свете фонарика по оранжевой тыкве карабкаются противные белые личинки.

Это были личинки богинь, очаровательных ночных бабочек с самыми прекрасными крыльями на свете. Но то, что было красиво с крыльями, на стадии гусеницы было просто омерзительно. Жирные рыхлые белые тела, зубастые пасти. Личинки были плотоядны, их нарочно селили в огородах, чтобы они пожирали насекомых, мышей и кротов. Ветта радостно потирали ручки, слушая их противный злобный писк, когда они карабкались на фонарик, в котором в кучку испуганно сбились светляки.

План Ветты был прост до безобразия.

Она уже слышала, что на бал Элиза наденет красивое розовое платье, а на голову — венок из настоящих роз. За ними уже послали к лучшему флористу города, и тот приложил все свое умение, чтобы собрать самый прекрасный головной убор для самой прекрасной невесты.

Розовые розы, лепестки, налитые соком так, что казались прозрачно—восковыми, свешившимися от магии, замедлившей их увядание... Венок был готов и выставлен в витрине как образец вершины мастерства. Он любую девушку сделает прекрасной!

Вот в этот самый венок, улучив момент, Ветта хотела насыпать плотоядных богинек, да побольше, побольше! Сначала, конечно, они будут спать, потому что Ветта поставит банку с ними в холодный подвал. Но потом, потихоньку, в бальной зале, где будет наверняка тепло, они отойдут и полезут из цветов в волосы Элизы.

— Хе—хе—хе! — зловеще сказала Ветта, стряхивая свою добычу с фонарика в бадью.

Пока Элиза спохватится, у нее вся голова будет в личинках. Белых, жирных. Они запутаются у нее в волосах, они накусают ее голову, уши и, если повезет, то и лицо тоже.

— Хе—хе—хе! — мысль о том, что богиньки могут изуродовать лицо Элизе, очень обрадовала Ветту. Может, если повезет, они ее так отделают, что она станет уродиной и Артур от

нее сбежит! А не сбежит, так ей же хуже. Богинек она будет с себя с верещанием стряхивать. Люди будут давить их ногами. А Ветте достаточно будет затереть платком пару пятен крови на полу, или же на лице Элизы.

— И дело сделано! – торжествуя, заметила Ветта, набрав чуть не половину своей бадьи мерзких извивающихся червяков.

...Эти приготовления и нехитрую радость Ветты наблюдал в хрустальный шар тот, к кому она воззвала — Эрвин, Тринадцатый, Господин Повелитель Холодного Пламени. Он был одет в свой шикарный костюм с серебром, и, удобно расположившись в кресле, курил сигару. Выпуская серые кольца душистого дыма, он шурил синие глаза и смотрел, как Ветта выбирает самых кровожадных червяков для своей мести.

Его дом благодаря стараниям Ветты становился все более реальным, из небытия проступали очертания огромного здания с синими стеклами на высоких окнах. Ее злоба, ее ложь и гнусные намерения подпитывали черное колдовство, и лесной туман все сгущался, превращаясь в черные каменные стены.

Флигель, в котором расположился Эрвин, выглядел совершенно как настоящий. В нем было все, что полагалось для роскошного дома: и ковры, и лакированная мебель, и пылающий камин. Все это обрело свои привычные очертания и стало осязаемым, плотным, да и сам Эрвин давно уже стал не сгустком черной магии, а вполне живым человеком. Его большое сильное тело чувствовало тепло и холод, приятные ароматы и тонкие вкусы. Эрвин был жив, и наслаждался ощущениями жизни.

На роскошном резном столике из красного дерева, на медной старой подставке, стоял огромный хрустальный шар. Эрвин, поглаживая его отполированную поверхность длинными пальцами, поворачивал его и так, и этак, желая получше рассмотреть все, что делает Ветта, и усмехался.

— Эрвин, — страшный голос, похожий на вздох неуспокоенной жестокой души, раздался в тишине роскошного дома. Он шелестел, будто ветер, гонящий сухую листву, и любой человек, услышавший этот зловеющий голос в лесу, умер бы на месте от ужаса. Но Эрвин лишь покосился во тьму, не прекращая любоваться своим хрустальным шаром. — Отчего ты медлишь, Эрвин? Зачем эти сложности? Возьми скорее свою жертву, Эрвин, и возроди нас! Я жажду крови и мести!

— Ты ждал столько лет, — медленно произнес Эрвин, обдумывая и взвешивая каждое слово, — твой дух дремал веками... Так неужто ты не потерпишь еще несколько дней, Первый?

— Я устал ждать, — желчно, как древний больной старик, проскрипел в ответ Первый. Бесплотная тень скользнула над полом, на миг затенив ярко пылающий огонь в камине, и вытянулась черным унылым призраком перед Эрвином. — Ты всегда был тщеславен и любил самые яркие человеческие оболочки! Неужто тебе и сейчас хочется покрасоваться и упиться всеобщим обожанием вместо того, чтобы вернуть этот мир нам? На что ты потратил жертвенную кровь? Натянул красивое гладкое лицо? Ты поранил девчонку, я знаю. У самого тебя не достало бы сил, чтобы вернуть себе даже часть того, что тебя сейчас окружает. Я слышу запах тела этой девчонки. Он пропитал весь твой дом. Он пророс в стены. Ты мог бы разбудить половину из нас этой жертвой, но твое желание покрасоваться перевесило весь здравый смысл!

— Не только это, — как можно небрежнее ответил Эрвин, взяв со стола бокал с янтарным ароматным коньяком. — Я, конечно, люблю все блага, что дает жизнь, но не в этом причина того, что я не взял девчонку.

— А в чем же тогда? — насмешливо произнес Первый.

— Я нашел твой мизинец, — как бы невзначай заметил Эрвин, внимательно глянув на черную колышущуюся тень. — И тех, кто похитил твои сокровища.

— И где же он?! — нетерпеливо завертелся Первый.

— Он был в руках той самой девчонки, которую мне якобы предназначили в жертву, — многозначительно ответил Эрвин. — Но ты ее не чувствуешь, не так ли?

Первый затих.

— Вот и я не почувствовал, — попытожил Эрвин, рассматривая красивые блики, играющие на поверхности янтарной жидкости. — Она держала его в руках, Первый. Она знала о его свойствах, но легко с ним рассталась. Твоя сила не проросла в ней, не испачкала ее души ни алчностью, ни хитростью, ни жестокостью. И моя сила... тоже. Я держал ее в руках, я касался ее души своей магией, и все равно она могла мне сопротивляться. У нее словно есть защита.

— Думаешь, защита? — подозрительно произнес Первый. — А может, она Помеченная?

Эрвин рассеянно пожал плечами. В его памяти всплыл образ перепуганной Элизы, ее запах, и ее слабое, но уверенное «нет»!

— Вот и я этого не знаю. Мне нужно посмотреть на нее. Почувствовать.

Первый мерзко захихикал.

— Разве ты не трогал ее? — гадко и пошло спросил он. — Я знаю, ты ее касался!

Казалось, на миг в камине пламя взметнулось выше, с гудением промчалось по трубе, синие глаза Эрвина вспыхнули ненавистью.

— Это не твое дело, — хрипнул он. — Если она Помеченная, то это моя добыча. И ты получишь свою долю только тогда, когда я возьму свое!

— Какой грозный, — усмехнулся Первый. — Еще скажи, что ее запах свел тебя с ума после стольких лет покоя!.. Впрочем, это твое дело. У меня теперь заботы поважнее есть. У кого, говоришь, ты нашел мой палец?

— У самого богатого семейства города, разумеется, — усмехаясь, ответил Эрвин.

— И у них мой сундук, или один палец? — допытывался Первый.

— Откуда же мне знать, — усмехнулся Эрвин. — Может, ты сам пойдешь проверишь?

Первый промолчал, но в его молчании было слишком много чувств.

— А ты не мог бы, — приторно-сладким голосом, после надолго затянувшейся паузы, заискивая, попросил Первый, — дать мне немного силы?..

— А сам не можешь разве? — невинно поинтересовался Эрвин, поблескивая смеющимися глазами. Черная тень, висящая перед ним, затряслась от злобы, завывла тоскливым голосом призрака, заблудившегося на болоте.

— Проклятый тщеславный ублюдок! — провыл Первый в муке и тоске. — Неужто нельзя обойтись без того, чтоб у тебя выпрашивали, чтобы тебя умоляли?! Так нужно унижать меня?!

— В этом мире, — посмеиваясь ответил Эрвин, — прав только сильный. Если не можешь взять сам — проси, и помирнее! Ты, кажется, забыл, что именно мне ты обязан тем, что сейчас можешь существовать в этом мире. За то, что так непочтителен ко мне, быть тебе собакой, — Эрвин звонко щелкнул пальцами, и перед ним, цокая когтями по паркетному полу, заскакал яростный лоснящийся остроухий доберман в ошейнике с синими сапфирами.

— Но смотри мне! Только попробуй, тронь мою девчонку, — голос Эрвина тоже превратился в страшный стон злобного духа, его красивая ладонь стала в черной когтистой лапой. Подцепив собаку за ошейник, Эрвин подтянул ее к себе, к своим прекрасным и страшным глазам поближе. — Я вытряхну из тебя остатки жизни. И сделаю это самым ужасным способом, какой только придумаю. Ясно?

Собака жалобно скулила в его руке, часто дыша горячей пастью.

— Пошел прочь, — Эрвин брезгливо оттолкнул Первого от себя. — Надеюсь, ты сможешь раздобыть себе немного крови, чтобы вернуть себе хоть какое-то подобие самого себя...

Собака, повизгивая от еле сдерживаемой ярости, рванула к дверям, на улицу. Послышался шорох гравия под ее лапами, и Эрвин, неспешно потягивая коньяк, прислушивался к тому, как ночной охотник удаляется от замка Демонов все дальше.

— Ах, совсем забыл, — с улыбкой произнес Эрвин, когда собаку вовсе не стало слышно. — У них на волшебных палочках магия не ниже третьего уровня. Будь осторожен!

Но его, разумеется, уже никто не услышал.

На бал Ветта явилась разодетой в пух и прах, в новом платье с кринолином, которым она с непривычки цеплялась за все и всех. Спереди оно было украшено целым рядом бантов, от груди до живота, рукава расшиты кружевами, а шлейф тащился вслед за девушкой на целых два шага! На голове Ветты красовался новехонький шикарный черноволосый парик. Нитки настоящего жемчуга свисали с его накрученных локонов до самых ушей девушки, а на макушке красовался бант, жирной раздавленной бабочкой распластавшийся по прическе.

Под голубой верхней юбкой, холодная и неудобная, была припрятана банка с личинками...

Разумеется, никто Ветту к невесте не подпустил бы, и червяков в волосы натрясти не позволил бы. Она, церемонно с Элизой раскланявшись, была почти сразу же оттеснена от влюбленной пары прочь.

Жених, увидев Ветту, не смутился ни на миг, хотя по залу, набитому гостями как сельдями в бочке, тотчас пробежал быстрый ехидный шепоток. С трудом Ветта пережила колкие смешки за своей спиной, проглотив слезы обиды. А Артур ничего; просто улыбнулся ей, как старой знакомой, тепло пожал ее руку и преувеличенно почтительно коснулся губами ее ладони.

— Ах ты, расфуфыренный пижон, — шипела Ветта, отступая за спины поздравляющих гостей, брезгливо отирая руку о новую шелковую юбку. — Шелковая манишка! Ну, я вам устрою...

Забравшись в укромный уголок потемнее, за портьеры, она задрала юбку и извлекла своих полусонных замороженных гусениц в банке. Поколдовав немного, она одну за другой отправила их в розовый веночек на голове соперницы и проследила, чтоб гусеницы надежно спрятались в бутонах и листьях.

Элиза как будто бы ничего не заметила. Она вообще была бледна, будто напугана чем-то, и Ветте показалось, что невеста то и дело оглядывает гостей, отыскивая кого-то взглядом. Но Ветта списала это на неловкость Элизы перед ее вчерашними ухажерами, перед юношами, которые катали ее по городу на экипажах и качали на качелях на славных летних пикниках. В конце концов, они все облизнулись с невестой! А ведь наверняка строили планы. Дурачье.

«Хе—хе—хе!» — подумала Ветта, наблюдая, как последняя гусеница исчезает в розовых лепестках. Вероятно, там, если поискать как следует, можно найти дремлющую мошку или крохотную бабочку. А может, там просто теплее. Кто их, червяков, знает.

Артур, конечно, разделся как король, в ослепительно-белое с благородным серебром. Даже небольшую мантию из блестящего черного меха умудрился пристроить на плечах. Рассматривая молодого человека, невольно любуясь его статью, красивыми жестами, исполненными достоинства, Ветта очень пожалела, что не оставила пару червяков для жениха.

«А что, — размышляла она. — Они б его покусали, он бы начал вопить, и уже не был бы таким важным и привлекательным! А если б одна богинька кусанула его за нос, он бы тоже стал уродливым. Тогда и Элиза могла б его бросить. А я тут как тут! Я б его утешила и сказала, что он не урод. И тогда б он на мне точно женился!»

Но, несмотря на эти зловредные мысли, Ветта все же очень хотела, чтобы случилось чудо, и Артур сам, без гусениц в волосах и с носом на месте, вдруг передумал и вернулся к ней. Может, рассмотрев в ней те достоинства, что не видел раньше. Ведь, в конце концов, они едва знакомы! А если б он узнал ее получше? Если б у нее был хоть шанс поразить его своим умом, своей скромностью и добротой?! Если б он понял, какая она замечательная?! Вряд ли он тогда побежал вприпрыжку за первой попавшейся девицей!

Может, поразить его красотой своих танцев? А что? Танцевать она умела и любила. Или спеть? Пела Ветта тоже неплохо. Только громко, пискляво и не попадала в ноты. Но в целом хорошо. Или вот еще верный способ — заставить Артура ревновать! Если он увидит, что она нарядна, весела и флиртует с другими парнями, он невольно призадумается, что он потерял! И вероятно поймет, что не такой уж он незаменимый!

«Надо у него под носом с кем-нибудь закружиться в танце! — размышляла Ветта. — И делать вид, что мне радостно! Пусть не думает, что я о нем страдаю...»

Свободных кавалеров нашлось немало, и Ветта, направляясь за жертвой и размышляя, какую бы хитрость придумать, чтобы заманить потанцевать хоть кого-нибудь, внезапно обнаружила, что ей улыбаются вполне доброжелательно, и никто не отворачивается, как прежде, делая вид, что не замечают ее.

«Эх, знать бы приворотное заклятье! — думала Ветта, радостно улыбаясь в ответ и не понимая причину такой перемены. — Или сходить на Старую Дубовую улицу, к старой ведьме Катрине. Она бы помогла. Да только денег нет...»

В этот самый миг до Ветты вдруг дошло, что денег-то у нее теперь полно. Артур же прислал ей обещанное! И люди об этом прекрасно знают. В этом чертовом городе целая тьма чертовых ясновидцев... Наверное, посчитали все, до последнего пяточка в дареных сундуках, в своих видениях. Вот поэтому молодые люди, которые раньше на Ветту и не смотрели, теперь так мило ей улыбаются!

«Так это же прекрасно! — подумала Ветта, с видом победительницы поглядывая на Артура и Элизу, которые церемонно раскланивались с гостями. — Если он сам не одумается, я могу заплатить ведьме. Ей не страшно брать на свою черную душу грехи; возьмет и еще один, для меня. Приворожит его, негодяя!»

От этой мысли настроение у Ветты улучшилось как никогда. Она милостиво подала руку первому попавшемуся молодому человеку и встала с ним в пару на танцы.

Элиза не знали ни дня покоя с того странного вечера, когда незнакомец в библиотеке едва не овладел ее телом. Но разумом, мыслями ее он овладел совершенно точно.

Ни дня не проходило без того, чтобы Элиза не вспоминала его синие, холодные, но такие прекрасные глаза. В самые неподходящие моменты накатывало вдруг отчетливое ощущение поцелуя, до мельчайших подробностей. Шумное дыхание и нежный, едва слышный звук поцелуя, страстного касания губ. Тепло мужских губ, мягкость языка, ласкающего ее язык. Проникновения горячего языка в ее рот, порочные и страстные, почти насильные, очень интимные и сексуальные. Это было по-настоящему, по-взрослому, и совсем не то же самое, что робкие поцелуи того же Стира.

Эти ощущения были непривычны и незнакомы Элизе. Казалось, что это нечто бесовское и развратное, и ей хотелось быть такой — откровенной и бесстыжей в своих желаниях. Это пугало ее и одновременно с тем придавало сил и будило в ней какую-то другую, новую Элизу. Отчаянную, дерзкую, откровенную в своих желаниях. Готовую откинуть предрассудки и страх, позабыть о женихе и отдаться неизвестному всецело, без остатка.

Хотелось рассыпать волосы по постели, ощутить на своем извивающемся, бьющемся теле тяжесть мужского тела. Хотелось, чтобы незнакомец целовал ее, брал ее языком в рот, доводя до исступления, до умопомрачения. Хотелось, чтобы он касался ее горячего жаждущего лона, дразня и доводя до криков своими ласками. В пылающем воображении Элизы его пальцы, поглаживая ставшие невероятно чувствительными влажные набухшие губки, вдруг коварно и сильно толкались внутрь ее тела, стремясь достигнуть самого центра ее желания и погасить терзающую девушку страсть. Элиза искусывала губы, чтобы не раскричаться от охватывающих все ее тело сладких спазмов.

Она обмирала, когда эти видения доводили ее до дрожи, почти до стоны, до головокружения. За завтраком ей вдруг чудилось свежее морозное дыхание над плечом, и она едва сдерживала себя от того, чтобы обернуться. А вдруг **ОН** стоит позади нее?!

Но, разумеется, никого, кроме отца и матери, за завтраком не присутствовало, и Элиза маялась, не зная, как расспросить отца о его странном ночном госте. Что вообще это за человек? Откуда взялся?

«А вдруг он расскажет всем об этом происшествии в библиотеке?! — в ужасе думала Элиза, и сердце ее замирало от страха и стыда, пришедших на смену томительным сладким грезам. — Я тоже хороша! Целоваться и так вести себя с незнакомцев после помолвки! Позволить ему...»

Тут Элиза вспоминала его ласковые руки, прямо у себя на коже, на бедре. И самое опасное, самое прекрасное и самое желанное прикосновение — там, между ног, от воспоминания о котором она вертелась на стуле и стискивала колени, кое-как справляясь с возбуждением. Он будто поймал кончиками пальцев самую чувствительную точку на ее теле, местечко, в котором было заключено все наслаждение, какое себе можно вообразить. От касания к этой точке Элиза вдруг позабыла, как дышать. Все ее существо наполнилось блаженством, которое пульсировало и билось, расцветая там, под пальцами незнакомца, и прорастая в ее тело горячим и сильным безумным наслаждением.

Ей казалось, что она падает навзничь, в яму, полную огня. Лепестки пламени охватывают ее тело, словно жадные руки, и разжигают в ее душе пожар, жажду, неведомую раньше. И ей до боли хотелось снова ощутить на своем теле ласкающие ее ладони, чуть сжимающие задыхающееся горло и бережно разглаживающие кожу как драгоценную ткань.

«О нет, — Элиза, чуть не плача, почти молила неведомые силы мироздания, чтобы они стерли у нее из памяти незнакомца, его ласки, и ее желание отдаться ему. — Как стыдно-то! Я должна думать об Артуре. Я согласие ему дала! И я за него выйти должна... Он славный, он красивый и милый! Да почему ж думается-то только об этом мерзавце, который вздумал, что в приличном доме можно залезть под юбку к хозяйской дочери?!»

В день бала, уже одетая в самое нарядное, цвета розовой зари платье, тонкое и прекрасное, как крылья бабочек, она вдруг снова отчетливо вспомнила таинственного незнакомца, его руки на своих плечах, и едва не расплакалась, потому что образ его не отпускал ее ни на миг. Элиза маялась и уговаривала себя, что это пройдет. Наверное, это просто шок от пережитого? Стыд, страх и необычность происходящего с ней?

«Но это пройдет!» — твердила она себе.

Однако, не проходило совсем.

Особенно тяжело Элизе было, когда Артур — красивый, светлый, добрый и волшебный, как принц из сказки! — надел на нее венок из роз и отступил, восторженно ахнув и прижав руку к сердцу. Он-то точно не заслужил того, чтобы у него была такая порочная, испорченная невеста! Он видел, что Элизе не по себе, но принял ее состояние за естественное волнение перед свадьбой. Гости откровенно рассматривали невесту и обсуждали ее с ног до головы, а это было не так-то приятно. И, чтобы облегчить Элизе нелегкое испытание, он был мил и предупредителен, и поддерживал ее под локоть.

Пожалуй, этого бы и хватило, чтобы Элиза перестала нервничать. После первого танца она повеселела и перестала озиаться по сторонам, как затравленный зверек. Кто знает, чему учился Артур в своем университете, но танцевал он божественно, и Элиза не могла не отметить, что они были действительно самой красивой парой в городе.

А потом произошло ровно две вещи.

Первая — и это можно было считать малым из двух зол, — это был разнузданный танец Ветты.

Кузина Элизы, тряся фальшивыми черными кудряшками и взмахивая на крутых поворотах голубой шелковой юбкой, похожей на полусдувшийся воздушный шар, со счастливым гиканьем кружилась в танце с не менее счастливым кавалером. Ее танцевальные па были далеки от совершенства, да и вообще все эти движения, совершаемые ею в непосредственной близости от жениха и невесты, были скорее отчаянной попыткой привлечь к себе внимание, чем действительно танцем.

Ветта, судорожно хохоча, словно в припадке эпилепсии, вращалась, только чудом не сталкиваясь с другими парами. Ее волшебная палочка, выброшенная верх ее тощенькой рукой, без остановки пускала многочисленные бенгальские искры, конфетти и серпантин, отчего ноги вальсирующих очень скоро начали путаться в длинных бумажных тонких лентах. Все ее поведение было таково, будто это не у кузины ее праздник, а у нее, у Ветты. И бал этот словно в ее честь был организован, и гости — это ее гости, а потому она вела себя так, как ей приходило в голову. И при этом Ветта умудрялась покорчить рожи обескураженной невесте.

«Смотри, — как бы говорила ее довольная ухмылка, — и я не осталась без кавалера!»

— Подожди меня минутку, — ласково сказал Артур, погладив руку Элизы. — Милая моя, я вижу, ты очень волнуешься. Но я ненадолго. Я всего лишь успокою эту разбушевавшуюся девушку и вернусь. Я не хочу, чтобы она испортила нам с тобой наш первый бал.

Элиза не ответила; она лишь кивнула головой, и Артур, вежливо раскланявшись с гостями, подхватил Ветту под локоток и потащил ее прочь из зала.

Ветта особо не сопротивлялась. Напротив, на ее толстых губах запечатлелась самая отвратительная ухмылка, девушка торжествовала оттого, что ей удалось испортить настроение невесте. И за Артуром она шла весьма охотно, рассчитывая, видимо, продолжить свой балаган. По ее хитрому виду можно было понять, что она готова повешаться на шею молодому человеку и рыдать до полного удовлетворения всех ее желаний.

Но едва Артур вывел Ветту, и Элиза перевела дух, как случилась вторая вещь, и она была куда как чувствительнее и тревожнее, чем отчаянные выходы Ветты.

Двери распахнулись впуская много света, который отражался и горел золотом в зеркалах, и герольд, стукнув посохом об пол, привлекая к себе внимание, важно и громко выкрикнул:

— Граф Эрвин Дэвис Тринадцатый!

И вслед за светом, вслед за этими торжественными словами в зал явился тот, кого Элиза так боялась и о ком грезила все это время. Сердце ее забилося так неистово, что, казалось, не вынесет и разорвется в груди. Элиза с трудом удержалась на ногах, понимая, что близка к обмороку, еще немного — и она свалится прямо к ногам пришедшего.

Эрвин.

Вот, значит, как его зовут.

Элиза не осознавала, что шепчет его имя, ласкающее ее губы так же сладко, как поцелуй. Никого вокруг словно не существовало, гул зала смолк, и в тишине девушка слышала лишь неспешные четкие шаги того, кто назвался графом Дэвисом. Дамы перешептывались, с изумлением разглядывая эффектно появившегося незнакомого красавца, и прикрывали веерами заливающиеся краской смущения лица. Незнакомец поражал всех присутствующих дам в самое сердце своими острыми, жадными, влекущими взглядами и небрежными улыбками, и Элиза отчего-то подумала с ревностью, что граф, похоже, очень любит покорять и соблазнять женщин. Любая из них готова была сейчас же пойти с ним, лишь только помани. И он манил — небрежным кивком головы, вспыхнувшим из-под черных ресниц взглядом, вежливо сказанным словом.

Элиза видела его лишь однажды, в полумраке, но ошибиться было невозможно. Это были те самые синие глаза, прекрасные и яростные; те же тонкие аристократические черты, та самая стать и широкие плечи сильного мужчины; тот шик и роскошь, рядом с которыми даже Артур терялся и казался одетым неброско и безвкусно.

— Мисс Элиза. Вы прекрасны, как рассвет над южным морем и как самые чистые звезды над Арктикой.

Его приветствие было очень сдержанным и полным почтения, когда он склонил черноволосую голову и прижался губами к ее руке — слишком страстно, слишком нежно и долго, чтобы это можно было считать приличным! Девушка ахнула, словно этот поцелуй ожег ей кожу и пронзил сладкой болью до самого сердца, и мужчина поднял на нее взгляд внимательных холодных глаз, гипнотизирующих ее, словно взгляд питона — кролика. Он мог молчать о той ночи, когда впервые целовал Элизу, мог не говорить ни слова вообще, но она видела, что сегодняшний бал и праздник — это всего лишь предлог для него, чтобы прийти к ней. Потому что его тянуло к ней так же неудержимо, как и ее — к нему. С первой же встречи между ними установилась какая-то связь, что-то тайное и необъяснимое. И Элиза чутьем женщины вдруг почувствовала, что обладает какой-то властью над этим загадочным, харизматичным человеком.

— Простите мне мой вид, — произнес Эрвин тем самым глубоким голосом, от которого в душе Элизы начинали вибрировать все струнки. — Я только что вернулся в город. Был в пути. Но как только узнал о вашем празднике, сразу же поспешил сюда, чтобы поздравить вас и сделать вам подарок.

И это походило на правду.

Его длинный черный кожаный камзол иноземного кроя со строгим жестким воротником, искусно расшитый черными шелками на плечах, был запылен, как любая дорожная одежда. Однако, белоснежная сорочка идеально чиста и свежа, и жилет с брюками — тоже. Капли мелких черных алмазов поблескивали в вышитых цветах и глазах птиц.

— Вы путешествуете? — прошептала Элиза, не слыша собственного голоса. Она смотрела, не отрываясь, в лицо мужчины, совершенно не понимая, что с ней происходит, и почему он отвечает ей таким же долгим, одержимым взглядом.

— Да, — ответил он. — Я немного времени провожу в городе. Совсем немного. Здесь скучно; а в мире так много того, чего я еще не видел! Пустыня и звездное небо над нею. Прозрачные замки. Сказочные сокровища. Я принес вам одно из них.

Элиза не сразу поняла, о чем он говорит. С трудом перевела она взгляд на его руки — снова ее бросило в жар от воспоминаний о том, как могут касаться эти длинные сильные пальцы! — она увидела, что граф Эрвин протягивает ей маленькую продолговатую коробочку из резного сандалового дерева. Тонкий аромат сандала напоминал запах духов, что-то из восточной сказки, необычное, манящее и волнующее.

- Это сандаловая палочка, — произнес Эрвин, все так же неотрывно глядя на Элизу, буквально пожирая ее взглядом. — Она может творить самые прекрасные и самые великие чудеса. И небольшие приятные сюрпризы.

Он открыл коробку; на светлом голубом шелке лежала красивая темная палочка, испещренная тонкой красивой резьбой. Она походила на высокую стройную башню из слоновой кости на фоне выцветшего от жары неба над пустыней. Ее рукоятка была украшена кольцами из белого перламутра, и у Элизы захватило дух, потому что она не смогла их сосчитать сразу.

«Это какой же уровень магии?! — в замешательстве подумала она. — Это сколько же может стоить эта вещь?! И он мне ее дарит?! За что он мне ее дарит? Неужто за то, что между нами было?! Да за кого он меня принимает?!»

- Но я не могу это принять, — прошептала Элиза чуть слышно. — Это слишком дорого...

- Сегодня, — перебив ее, ответил Эрвин, — вам можно все!

На голове Элизы лежал венок из роз. Эрвин знал, что в этом венке; богиньки уже давно проснулись и высовывали свои кровожадные рыльца из розовых лепестков. Парочка из них уже выбралась из цветов и карабкалась по волосам невесты, стремясь добраться до ее кожи. Эрвин знал, зачем эти кровожадные червяки здесь. Знал, что один укус — и капля вожделенной крови

будет у него в руках. Все Демоны, дремлющие в небытие, откроют свои глаза и увидят ее — прелестную и соблазнительную девушку. Идеальная рабыня... она могла бы украсить любой дом Демона.

Но что-то мешало ему спокойно смотреть, как кровожадные твари добывают ему эту каплю крови.

Эрвин взял сандаловую палочку из ее голубого шелкового ложа, и просто взмахнул над головой невесты. Один миг — и на волосах Элизы чудесным покрывалом очутились бабочки с красивыми трепещущими крыльями вместо хищных гусениц. Никто не понял, откуда они там взялись; гости зааплодировали, радостно приветствуя чудо.

И только Ветта, высунувшая нос из укромного уголка, куда утащил ее жених, гневно поморщилась, понимая, что ее хитрость разгадана и нейтрализована.

Глава 8. Магические противники

— Что ты творишь?!

Артур был неласков к несчастной Ветте! Хотя она так рассчитывала, что он оттаает, увидев ее страстный танец. Вспламенится от ревности и сгорит в пожаре любви! Но отчего—то этого не произошло. Артур, такой сдержанный, такой тонкий и воспитанный обычно, сейчас словно с цепи сорвался. Его красивое лицо исказилось от гнева. Едва за ними закрылась дверь, отрезая бальный шум и срывая их от любопытных взглядов, как вежливость сползла с Артура, как старая тесная кожа со змеи. От него повеяло опасностью, словно от карманника, раздетого как приличный джентльмен, но с ножом в кармане.

— Что ты творишь, глупая дурочка! — прокричал он, ухватив Ветту за плечи и как следует встряхнув ее.

— А что я сделала такого, — огрызнулась красotka, поправив сбившийся на сторону парик.

— Это, — зло сопя, ответил Артур, крепко удерживая девушку за плечи и глядя в ее напудренное лицо своими светлыми глазами, которые сейчас были просто жуткими, — мой праздник. Мой и Элизы. Мы любим друг друга. Мы женимся друг на друге, нравится тебе это или нет. Так что прекрати свои дурацкие выходки! Хватит толкаться локтями. Не привлекай моего внимания, не будь так навязчива. Не позорь себя и свою семью. Твои родители просили золота — они его получили, — Артур оглядел Ветту с ног до головы, по губам его скользнула неприятная, колкая усмешка. — Я вижу, оно попало в надежные руки и нашло достойное применение. Так что тебе еще от меня надо?

— Мне надо тебя, — с вызовом выкрикнула Ветта, сердито топнув ногой. — Тебя, ясно? Ты мне обещал! Эта договоренность была задолго до того, как ты вообще начал девушками интересоваться! Думаешь, мне легко было? А я не смотрела на других парней, я тебя ждала!

— Ну сейчас смотришь, — напомнил ей Артур об ее отвязном танце с весьма довольным кавалером. — И, кажется, не обделена вниманием? Чем плох тот, с которым ты так мило флиртовала? Весьма достойный... кандидат. Предложи ему жениться на тебе. Думаю, он согласится.

— А я не хочу его, — снова сердито, как капризный ребенок, топнула ногой Элиза. — Он толстый, толстый! И нос у него блесит! Он некрасивый!

— А ты, стало быть, хочешь красивого? — насмешливо уточнил Артур.

— Да! — вызывающе выкрикнула Ветта, с пытающим взором наступая на несостоявшегося жениха. — Хочу! Хочу приходить в храм по воскресеньям в нарядном платье, и чтоб рядом был красивый муж! Хочу, чтобы все на нас оглядывались и завидовали мне! Хочу кататься в твоей золоченой карете, как герцогиня, и жемчужное ожерелье в пять рядов хочу!

Артур, слушая все это, лишь горько усмехнулся.

— «Хочу, хочу, хочу!» — передразнил он Ветту. — И ни слова о любви. Ты хочешь не меня. Ты хочешь потешит свое самолюбие.

— А Элиза как будто в тебя влюблена по уши! — воскликнула со смехом Ветта. — Как будто она не мечтает о драгоценностях и нарядах! Ты ее вообще не знаешь, ты ее впервые увидел недавно!

— Может, и мечтает, — ответил сухо Артур, пряча взгляд. Ветта в своей наивной жестокости поразила его в самое больное место. Действительно, Артур свою невесту знал мало, и слов любви от нее не слышал. — По крайней мере, у нее хватает ума не говорить об этом так, как ты... Но я люблю ее. Она нужна мне. Я уже говорил — только демоны смогут мне помешать жениться на ней, а значит, никто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.